

Вторжение гоблинов

Дмитрий Володихин

Команда бесстрашных бойцов

«Автор»

2006

Володихин Д. М.

Команда бесстрашных бойцов / Д. М. Володихин — «Автор»,
2006 — (Вторжение гоблинов)

Наш мир неузнаваемо изменился, когда на Землю вторглась орда демонов из другого измерения. Пушки и ракеты оказались бессильны против сокрушительной боевой магии. Армии разгромлены, столицы государств обращены в руины, человечество почти истреблено. Но среди развалин продолжают скрываться представители нового поколения, те, кто вырос после вторжения, и не мыслит жизни без постоянной борьбы с захватчиками. Способные встретить лицом к лицу самого беспощадного врага – и не отступить в страхе. Virtuозно владеющие холодным и огнестрельным оружием, практикующие боевые искусства и освоившие вражескую магию. Бесстрашные бойцы, единственная и последняя надежда человечества.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кирилл Клён, Дмитрий Володихин

Команда бесстрашных бойцов

В этом мире того, что хотелось бы нам,

Нет!

Мы верим, что можем его изменить?

Да!

(из репертуара рок-группы ДДТ)

ПРОЛОГ

Я видел тысячи миров. Я познал тьму и сражался с нею во всех ее обликах – от самых изысканных до самых грубых. Я владею сотнями видов оружия и проник в тайны дюжины школ, практикующих тайные боевые искусства. Вот уже не один десяток веков мой бестелесный корабль «Отвага» бороздит волны призрачного океана, соединяющего миры. Символ Мирового древа, благородного клена, трепещет над мачтами и парусами, когда попутный ветер ласкает боевой штандарт корабля.

Мне ведомы истории об истинных чудовищах и необычных существах, живущих на пороге небытия, величайшие мудрецы и великие государи древности вели со мною неспешные беседы. Прекрасные женщины, раскрывали для меня тайны своего лона. Монахи улаждали мой слух ужасными повестями о коварстве снов и видений, а поэты посвящали моим странствиям сонеты.

Но сегодня я хочу рассказать о простых людях, смертных и уязвимых, умевших встретить беспощадного врага лицом к лицу и не отступить, зная, что пришел их смертный час, а гибель, подобного хищному зверю, идет по их следу, алчно раздувая ноздри. В груди каждого из них билось сердце из плоти и крови, но они были столь бесстрашны и столь яростны, будто вечные машины, откованные кузнечными молотами из раскаленной стали, заменили им сердца.

Это были простые люди, однако они сражались и гибли подобно титаническим существам.

Они выбрали путь, который не под силу даже мне...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

ОХОТА НА МАГА

Remember hara tambooroo!
(Из репертуара Макса Покровского)

Глава 1

Пещера Красного Дракона

2055-й год

Юго-Запад Москвы, ничейные земли

Команда генерала Дани, Гвоздь, Гвидон и Гваддэ

Сон – самое предательское время в жизни человека. Скольких достойных людей убили во сне! Сколько храбрецов сошло с ума, поскольку им по многу дней не давали заснуть.

Поэтому Тэйки старалась обезопасить себя на все сто. Во-первых, она всегда спала в одиночестве и никогда никому не показывала Пещеру Красного Дракона – так она называла свое жилище. Во-вторых, она старалась не спать нигде, кроме своего дома. Даже когда Тэйки занималась с кем-нибудь любовью до изнеможения и после этого едва-едва способна была двигать руками и ногами, она упрямо собирала волю в кулак, поднималась с очередной горизонтальной поверхности и отправлялась домой. В-третьих, она не поспешила и отдала угрюмому Гвоздю двенадцать банок консервов – настоящий капитал по нынешним временам! – за то, чтобы он наладил ей две системы сигнализации: внешнюю, с круглосуточным наблюдением через камеры, и внутреннюю, с четырьмя наборами тест-контроля. Еще Тэйки дала Гвоздю потрогать свою грудь и получила от него взамен два элемента питания, чуть ли не вечных, по его словам. В-четвертых, ее ложе окружала нитка магических бус. Бусы, по идее, должны были предупредить ее о приближении гоблина – любой разновидности! – а также оборотня, вредоносного фантома или человеческого мага из Подземного Круга. О, эти ребята-подземники умеют говорить сладко, умеют прикидываться белыми и пушистыми, но доверять им не стоит. Вот и Даня говорит то же самое, а он хоть и гад, но не глупый гад...

Наконец, Тэйки никогда не ложилась спать полностью раздетой и безоружной. Она хотела быть сильной, а это значит: не надо оставлять слабости ни единой лазейки. На груди у нее всегда был Лучший Друг – верный нож, остро наточенный и смертоносный. Рукоять его сработана была специально под руку Тэйки и украшена маленькой серебряной пластиной с японским иероглифом, обозначающим дракона. Лучший Друг покоился в ножнах, висящих на прочном кожаном ремешке.

Если Тэйки хотела сблизиться с мужчиной, она перекидывала ножны с Лучшим Другом за спину, но никогда не снимала их.

Рядом с ложем всегда лежали меч и старинный пистолет ТТ. Тэйки мечтала о настоящей японской катане, мече, которым сражались ее предки... Но она всю жизнь, сколько себя помнила, прожила в Москве, и меч – прямой тяжелый тесак из рессорной стали – сделали местные умельцы. Впрочем, Тэйки отчасти примирилась с отсутствием катаны, дав мечу имя Атари: «Угроза-убить-следующим-ходом». Пистолет должен был довольствоваться более скромным именем. Его Тэйки назвала Йосэ: «Последняя стадия игры».

Тэйки приучила себя прощаться со сновидениями моментально, менее чем за секунду. Если беда посетит ее жилище, слишком долгое пробуждение может стоить жизни...

Поэтому, когда токер вонзил в ее сны холодное щупальце звонка, она простилась с реальностью иных планов без сожаления. *Жить надо здесь и сейчас.*

– Это я, – услышала она негромкий и уверенный голос Дани. – Надеюсь, ты выпалась.

– Какая разница.

– Через двадцать минут у гаража общий сбор. Ты поняла?

– За дуру меня держишь?

– Вот и хорошо, что поняла, Тэйкемия...

Даня отключился. Он любил называть ее полным именем.

Это имя было получено ею пятнадцать лет назад, при рождении. Через три или четыре года вокруг девочки не осталось людей, которые могли бы расшифровать значение слова «Тэйкемия» или хотя бы разъяснить, точно ли это имя, или всё же фамилия... Из ее родителей кто-то был японцем (японкой?), а кто-то русским (русской?). Оба погибли. Умерли. Исчезли. Растворились. Она их совершенно не помнила. Как раз в тот момент, когда родители куда-то пропали, у нее начался «железный век». Некоторое время она питалась тем, что могла отыскать на помойке, или тем, что ловила и убивала собственными руками. Потом у нее появился хозяин из верных защитников, продавший Тэйки довольно быстро по причине полной ее бесполезности. Второй хозяин сумел заставить ее работать, однако через несколько лет захотел от Тэйки большего и очень быстро продал девочку за строптивость. Третьего хозяина она терпела на протяжении года, а потом зарезала, и никогда впоследствии не жалела об этом... У нее было слишком много проблем и слишком мало стимулов, чтобы утруждать себя запоминанием всех частностей детства. Тэйки с удовольствием забыла бы кое-что... На этом фоне родители побыли некоторое время приятной мелочью из прошлого, а потом покинули ее память. Впрочем, они оставили ей в наследство кое-что небесполезное. Во-первых, русский язык – насколько его могла знать и понимать маленькая девочка. Во всяком случае, искусству чтения Тэйки научилась лишь годам к одиннадцати. Во-вторых, ошметки японского, отдельные иероглифы... Значение слов «тэ» и «иена» было открыто для нее, значение слов «ками», «васаби» и «аматэрасу» – закрыто, а значение слов «токио» и «хоккайдо» не имело смысла: и то, и другое уже не существовало. После десяти лет сиротской жизни Тэйки узнала новые слова: «катана» и «самурай»; они ей понравились.

Еще девочка располагала Лучшим Другом, и точно знала: нож ей тоже достался по наследству. Он-то и оказался самым ценным из всего. Дважды Тэйки меняла Лучшему Другу рукоятку, пока не убедилась в полном ее совершенстве. Частички крови третьего хозяина, злого и беспощадного человека, остались на лезвии... как и частички крови многих других людей.

Через пять минут Тэйки покинула Пещеру Красного Дракона.

Глава 2

Не совсем человек

Немо, принявший звонок от генерала Дани на минуту раньше нее, уже двигался по городу к назначенной точке встречи.

Он был одет в серый комбинезон и серые полусапоги. На голове Немо красовалась армейская каска, обшитая серой тканью. Внутренняя сторона каски скрывала электронный арсенал стоимостью в три вездехода или в один блок очень запретной биоэлектроники, каковой был отдан Гвоздю за его великое искусство. «Арсенал» мог быть подключен к мозгу Немо посредством разъемов, встроенных в титановую коробку, заменявшую ему череп. Впрочем, это чудо инженерии умельцы, монтировавшие его четыре года назад, скрыли под слоем почти настоящей человеческой кожи и почти настоящей человеческой плоти... Глаза, правда, Немо сохранил собственные – тогда, в жестокой драке за берлогу на Хорошевке, унесшую жизнь генерала Крохи, лицо рыжей Кати и фрагмент настоящего, «природного» черепа Немо. Теперь его мимика могла бы показаться стороннему наблюдателю бедной. На самом же деле никакой мимики не осталось, одна сплошная иллюзия... Немо был бледен, тонкогуб, вял в движениях. Псевдоплоть на голове покрывали жесткие черные волосы, чуть кудрявившиеся. Правильные, «титановые» черты лица – прямой нос, «мужественный» подбородок, высокий лоб, – позволяли назвать его красивым, хотя подобная красота, скорее, присуща статуям, чем живым людям.

Арсенал в данный момент подключен не был.

Помимо него, тело Немо оснастили железякой попроще: левая рука его представляла собой стальной протез, упрятанный под тонким слоем биоимитатора (кожа, мясо, ногти – все очень похоже на настоящие, человеческие) и работавший от источника питания, который следовало менять не чаще, чем раз в три года. Подкожные кабели связывали протез с содержимым титановой коробки. В случае необходимости Немо имел возможность подключиться к любому пирожку с электронной начинкой, надорвав псевдокожу на подушечке пальца... В случае необходимости иного рода, он легко пробивал кулаком кирпичные стены.

На другой руке Немо носил браслет: семь серебряных цепочек и скрепляющее их изображение лабиринта, у которого нет выхода. Когда ему требовалось как следует поразмыслить, он принимался поглаживать браслет, и мысли сейчас же устремлялись в нужное русло.

Немо терпеть не мог мотоциклы, авиетки, магические вихри, дрессированных оборотней и прочие способы передвижения, относительно безопасные в Великом Городе. Ему нравился самый опасный способ – на своих двоих. Немо предпочитал, чтобы все вокруг изменялось *медленно*. Он умел думать, говорить, передвигаться и драться очень быстро, но все это давалось ему путем преодоления «ментальной боли». Так он назвал состояние, когда ум заходит за разум, сознание превращается в дюжину самостоятельных, борющихся друг с другом хаосов и порядков, а содержимое титановой коробки криком кричит от ужаса на пороге превращения в безликое ничто... Ему требовались длительные периоды отдыха от таких моментов, и Немо всегда лежал, если можно было одно из трех: сидеть, стоять или лежать, и еще Немо всегда еле-еле передвигал ноги, если можно было одно из трех: еле-еле передвигать ноги, идти быстрым шагом или бежать.

Вот и теперь Немо без особой спешки выбрался из бывшего тира бывшего первого гуманитарного корпуса бывшего МГУ, а ныне системы полузатопленных подвалов, воспользовался системой наблюдения работы все того же великого мастера Гвоздя, чтобы убедиться в полной безопасности подъема на поверхность, открыл люк, поплутал по завалам, образовавшимся очень давно – с дюжину лет назад – из могучего одиннадцатизэтажного здания, и вышел на вольный воздух проспекта Вернадского. Здесь, у окраины территории, в древности принадлежав-

шей университетскому городку, в беспорядке валялись гранитные глыбы, вырванные артиллерийским огнем последних защитников МГУ из мемориала с вечным огнем. Здесь же валялся абстрактно-угловатый юноша из потемневшего от времени камня: его снесло с фасада первого гуманитарного корпуса – видимо, случайный снаряд ударил по касательной... У наводчиков дрожали руки, хотя это и были отчаянно смелые люди. Им предстояло через несколько часов стать пищей для дружины сиятельного кагана Гаггэ. Они ею и стали... те, кто остался в живых.

Бывший детский театр превратился в бесформенный ком строительных материалов, сплавленных друг с другом волной магического пламени. Вместо цирка зияла воронка двухсотметрового диаметра. Вскользнув, образовавшееся рядом, там, где раньше были детские аттракционы, поросло Черной Проволокой – то ли растением, то ли животным, очень похожим на растение. Черная Проволока с редким постоянством истребляла птиц, иногда поливала ядом оборотней, но к людям оставалась индифферентной. Она пришла сюда из мира Багнадоф и чувствовала себя на Земле неуютно... Лишь небольшая полоса прежнего проспекта Вернадского, начиная от прежнего Метромоста прежней станции метро «Университет», по счастливому стечению обстоятельств сохранилась почти в первоначальном виде. Две полосы темного асфальта, хотя и растрескавшегося, раздвинутого побегами растений – земных и не очень – все еще связывали берег Москва-реки с пристанью подземных кораблей...

Немо добрался до асфальта и зашагал, насвистывая, к месту встречи, назначенному генералом Даней.

Если бы его спросили: что такое проспект Вернадского? что такое цирк? что такое детский театр? что такое Метромост? Он бы ответил: «Не знаю. Не знаю. Не знаю. Не знаю». Ему было шестнадцать, и он родился на те же шестнадцать лет позже проклятого 2030-го, когда какой-то безмозглый вонючий оккультист, вместо того, чтобы насладиться безобидным странствием по миру снов, лучшему курорту преисподней, спяну вызвал его *сюда*, к себе *домой*. Метромост Немо еще застал. Он бы помнил его, если бы помнил хоть что-то, предшествовавшее десятому августа 2051-го. Но тот горячий денек на Хорошевке лишил его всей памяти, помимо нескольких ярких, ни с чем не сшитых лоскутков... Вся его жизнь сосредоточилась на пяточке из четырех последних лет и примерно четырех же не прожитых еще минут.

Когда Немо вправляли мозги, Даня услышал от инженер-хирурга, большого спеца в своем деле и конченного нарка:

– Если ему оставить собственные извилины, ваш парень будет пускать слюни и бубукать вроде хренова младенца. Если сунуть ему в башку железяки и провода, он станет психом с опасными вывихами. Если... короче, у меня есть вытяжка из железы внутренней секреции настоящего гоблинского истребителя магов... и я... конечно с твоего разрешения...

– Кем он станет?

– Умным парнем. Крутым парнем. Только не совсем человеком.

– Я не люблю этой дряни, люди должны оставаться людьми, а чужих следует убивать.

Сколько увидел – столько убил.

– Да-а-а-а... Но... Он не будет чужаком. Пригрейте его, как котенка, и он будет нашим.

То есть... вашим. Почти нормальным.

Даня потер переносицу.

– Выражайся яснее. Я все еще не возьму в толк, о чем это ты.

– Генерал! Либо твой парень – овощ, либо – буйный, либо – козырная карта в колоде. Но в последнем случае вы должны его сделать младшеньким братишкой. Или вроде того.

Даня сказал:

– Давай, делай. Рискнем.

А сам подумал: «Младшенький братишка! И это Серж Костолом!»

Разумеется, Немо ничего не знал ни о разговоре генерала с инженер-хирургом, ни о мыслях Дани. Все, что от него осталось, было в тот момент намного тупее овоща и намного менее восприимчиво к человеческим разговорам, нежели дубовая колода для мясницкой работы. . .

Он очнулся никем, получил от команды имя Немо и целых полгода учился быть похожим на обычных людей. По прошествии шести месяцев, он уже не пытался выдать все десять равно вероятных ответов, вспыхивавших в его сознании в готовом виде, если ему кто-нибудь задавал вопрос. Он уже не пытался сказать: «Приятного аппетита», – поев и помыв миску. Он уже не пытался ругать людей за драку, которая неминуемо произойдет между ними через пару минут.

Сознание Немо лишено было человеческого восприятия времени. Точка «сейчас» размывалась для него на срок приблизительно от шести до тринадцати минут – в зависимости от времени дня, погоды и степени сытости. Чаще всего, это было восемь минут. . . Иными словами, четыре минуты того, что с ним уже произошло, плюс миг нормального человеческого «сейчас», плюс еще четыре минуты ближайшего будущего, абсолютно закрытого для всех остальных.

– Здравствуй, Тэйки. Рад тебя видеть, – произнес Немо вполголоса.

. . . Именно он рассказал команде, почему гоблинские маги в 30-х и 40-х запросто опережали человеческих и почти всегда выходили победителями из столкновений любого статуса. Он вообще многое объяснил. Катя, например, помнила те незапамятно давние времена, аж четверть века назад, когда с гоблинской провинцией, оторвавшейся от материнского мира Багнадоф, пытались бороться с помощью танков, самолетов, ядерных зарядов. . . А воинство провинции, все еще свежее, многочисленное и не отравленное миазмами техногенной Земли, наверное, смеялось над человеческими военачальниками как над малыми детьми. Танками – ха-ха! – против Жезла Покоя! Стратеги – ха-ха! – против мажьего прайда низшего градуса! Маршалы не успевали как следует придумать, где им наносить очередной контрудар, а карты местности, необходимые им для полу-родившегося замысла, к тому времени уже рассыпались в прах. . .

– Привет, Немо. Опять я застала тебя врасплох. Смотри, попадешься кому-нибудь не такому ласковому, как я – и ага!

– Здравствуй Тэйки. Рад тебя видеть, – повторил Немо.

Тэйки жила рядышком – в каменном сарае с круглым куполом. Этот сарай, по ее словам, раньше называли обсерваторией, и отсюда наблюдали за звездами. Зачем? Скорей всего, тогда знали – зачем, а потом забыли. Еще там стояли всяческие научные аппараты, почти как в лабораториях у Подземного Круга или у Секретного войска. Или даже как у Гвоздя. Потом научных аппаратов не стало. Наверное, их украли или. . . опять же украли. Тэйки разрисовала купол из пульверизатора: глубокая синь и звезды, звезды, звезды. . . целый океан звезд. Посередине сарая она поставила высокий стол – свое «ложе». Тут она любовалась звездами, а потом засыпала. Тэйки как-то сказала: «Я напоминаю на этом столе, во-первых, астронома. Это, если ты не знаешь, тот, кто раньше смотрел на звезды. И, во-вторых, жертву – только подойти и перерезать горло. Но никто никогда не сможет перерезать мне горло». Запущенный сад вокруг жилища Тэйки, развалины, да еще большое болото со светящимися гнилушками когда-то назывались длинно и непонятно: «астрономический институт». Или вроде того. Тэйки никогда не показывала свое жилище, но рассказывала о нем часто.

Ее присутствие было приятным. Ее голос. Ее аромат. Ее обнаженные белые руки, к которым не приставал загар, и только легкое японское золото разлилось по коже рассветной водичей. Ее алые шорты. Ее алая футболка. Ее алые бутсы. Ее алые, коротко стриженные волосы. Рукоять меча, маячившая за спиной прекрасной девушки Тэйки. Высокой, худенькой, почти безгрудой; по виду – так и вовсе невесомой, не тяжелее мотылька, и в то же время страшной, когда приходило время наносить удары. Еще ему нравилось, что эта девушка точно так же, как и он сам, любила самый опасный способ передвижения по Великому Городу.

– Я не правильно сказал, Тэйки. Я счастлив видеть тебя.

Она рассмеялась.

– Не шути так, парень. А то ведь и замуж пригласишь – как в старые добрые времена.

«Старых добрых времен» он не помнил.

– Старые добрые времена я не помню. Замуж приглашу, если хочешь. Но ты не захочешь.

– Откуда ты знаешь? А вдруг я... Ах, ну да. Но я может быть, приглашу тебе не в следующие четыре минуты, а когда-нибудь потом, потом... совсем потом.

Некоторые странности *не совсем* человеческого сознания Немо объяснить мог. А некоторые – не мог. Вероятность доброго исхода «совсем потом» составляла 0,087376 процента. А почему так – он и сам не знал. То, что меньше одной десятой процента, относится не к реальности. К мечте. К мирам воздушным, к планам зыбким... Все это ни к чему Немо.

Жить надо здесь и сейчас.

Летний ветерок поднимал пыль с асфальта, цвели одинокие яблони, волнами кланялась ветру Черная Проволока, небо снисходительно улыбалось, поигрывая кучевыми ямочками на нежно-голубых щеках.

Ласку природы Немо понимал. Ветер, небо и яблони он благодарил про себя.

Вообще, ласка – любая – приближала его к людям, как ничто другое. Катя позволяла класть голову ей на колени и так дремать. Даже если он дремал часами! Генерал Даня удостаивал Немо рукопожатия и улыбки, а это дорогого стоит, ведь он был в команде за старшего. А сказочная девушка Тэйки была с ним близка. Всего один раз, год назад. И никогда не любила... Просто сделала королевский подарок.

– Впрочем, Немо, дружок, ты знаешь, что говорит мне Катя?

Он, конечно, знал, что говорит ей Катя, и что Катя права, и что ее правота ни черта не значит. Но Немо относился к женщинам – ко всем, которых не надо было убивать, – как к очень хрупким вещцам. Чуть-чуть грубости или невнимания – глядь, а вещь-то разбилась. Поэтому он не стал рассказывать Тэйки о своем знании.

– А Катя, между прочим, рассказывает мне про твое тело. Это ведь тело шестнадцатилетнего бугая. Причем такого бугая, который уже в двенадцать лет был размером с динозавра... просто зверь какой-то!

Даня тоже говорил: «Зверь. Костолом. Уникум». Это хорошо или плохо?

– Допустим, был, Тэйки. Откуда мне знать?

– Ну да. Знать тебе неоткуда. Зато теперь ты – кто? Четырехлетний малыш. Голопуз. Шелупонь. Эт-то меня смущает...

Тэйки погладила его по щеке. Немо со стыдом почувствовал, что краснеет.

Наконец они добрались до места. Четверть века назад тут был выход станции метро «Университет». Проспект Вернадского обходил ее стороной и свободно тек в сторону Кольцевой автодороги. Теперь его течение прерывалось беспорядочными нагромождениями развалин – до самого горизонта. Площадь перед самой метростанцией превратилась в «стеклянную заводь»: когда-то асфальт превратился в молочно-белую жидкость, а потом застыл, и покой его был нерушим, поскольку полупрозрачную, стекляннистую субстанцию, заменившую старый добрый асфальт, не брал ни один инструмент. Посреди заводи застыл тяжелый танк, обугленный и обобраный. Конечно, все полезное сноровистые люди сняли с мертвого гиганта в первые же несколько дней его посмертья.

Гоблинов и Войско Верных помощников очень интересовали широкие проспекты московского юга: по ним в центр Великого Города, давно и прочно занятый народом кагана, шли караваны с хлебом, мясом, солью, вещами, фуражом. В обратную сторону отправлялись караваны с оружием, лекарствами и заряженными магическими артефактами. Но бывший Ленинский проспект был искалечен многократными бомбардировками, бывший проспект Вернадского – покрыт многоэтажным ковром развалин, а бывший Мичуринский проспект превратился в череду котлованов и терриконов. И здесь, на Юго-Западе, раскинулись Ничьи земли,

вольные и безопасные настолько, насколько каждый из местных жителей был в данный конкретный момент сыт.

Немо и Тэйки интересовал потаенный вход в подземное царство метро. Они отыскиали его по приметам, известным только их команде. Вошли. Задраили за собой люк. Тьма обступила их со всех сторон. Наконец, откуда-то снизу, раздался голос Кати:

– Мальчики и девочки! Подождите-ка, сей секунд я вас встречу.

Глава 3

Убежище

Подсвечивая фонариком, Катя вела их по эскалатору, вставшему на веки вечные.

Тянькала вода, проточившая свод, негромко гудела электротехника, заточенная в камне, эхо испуганно бегало между холодными стенами. Станция почти не пострадала. С одной стороны на обесточенных путях стоял поезд – ободранный и загаженный. Лестницу, ведущую ко второму выходу на поверхность, а также шахты тоннелей закрывали металлические решетки: здесь жили Катя и генерал Даня, и они не нуждались в опасностях извне.

Катя привела их к люку, скрывавшему когда-то подземное бомбоубежище. Теперь здесь поселились два человека, вечно горел свет, а запах кухни вьелся буквально во все.

– Даня сейчас будет. Подземные дали очередное задание. Он сказал: «Придется лезть в вольную зону – без помощи монахов тут не обойтись»... По идее, уже должен был явиться.

– Подземные? – Тэйки скорчила рожу.

– Что они дают взамен? – спросил Немо.

– Как обычно: еда, оружие, кое-какие лекарства... Ну и своего бойца еще дадут. По их словам, он будет обеспечивать команде магическую безопасность...

Губ Кати коснулась улыбка – легкая, легче воздуха.

– Долго они не живут, защитнички наши. Ты помнишь, мадам, как мы отскребали Пламенного Мастера Ключей и Трех Вершин от кафеля в женском сортире на «Баррикадной»? Живой истребитель магов ему понадобился, и заметьте – именно женского полу! Команду он забыл в миг, задание команды он забыл в полмига, так его присушила бедная зверушка... Я, кстати, до сих пор понять не могу, что она с Мастером делала, когда мы ворвались. Жаркое готовила? Или это у нее любимая игра такая: раскатать тело в блин, а потом слегка подпалить и намазывать на стены, как паштет на хлеб намазывают? Или еще один был – Могучий Повелитель Стихий Воды и Разума... бородатенький... да? Он же, вроде, бородатенький был? Крупный такой, очень хотелось с ним сексом заняться. И надо же – гробанулся на пустом месте. Пищал, как мышка, царапину на заднице зажимал и все кричал: «Не дайте мне погибнуть от потери крови!» Никакого от него проку не было. Последний – еще того веселее. Как его... э-э-э... Несдвигаемый Камень у Перекрестка Сил. Очень даже сдвигаемый! Так несея от простого оборотня-долгоноса, ну так несея! Мотоцикл бы точно обогнал, если б на спор... А долгоносик-то маленький еще, огня в нем нет, мажых перевертышей нет, он вообще безопасней дверной ручки, он просто поиграть хотел.

Катя погрозила ей пальцем:

– Тэйки, о мертвых либо хорошо, либо ничего.

– Это смотря о каких мертвых, мадам. Ты помнишь как он умер? Может, он умер в бою с гоблинской дружиной? Или его конкурирующий маг пришкварил? Или верные защитники подстрелили? А? Нет, с пьяных глаз громезнулся в подвал с упырями, а те сами до смерти испугались, что к ним какой-то здоровый хрен, от которого за километр магией шибает, попал, ну и не глядя оторвали башку. Даже кровушку пить не стали – сонный у них сезон. А потом ты, как последняя дура, будто у тебя серьезных дел нет, торчала три часа у дыры в их треклятый подвал, все торговалась, и отдала за тело никчемнейшего шпендрика четыре пачки свежего курева! Уму непостижимо.

Катя нахмурилась.

– А ну-ка хватит болтать попусту. Чаю хотите? Чай они нам принесли – первый класс!

Тэйки не стала спорить.

– Давай свой чай.

Немо уточнил:

– Мне бы покрепче. Очень крепкий.

Какой кайф – спорить с мадам? Вот с Даней препираться – одно удовольствие. Во-первых, он бесится. Во-вторых, адреналина – море. В-третьих, Даня вроде как равный, а Катя – совсем другое дело. Она ведь суший уникум, легенда. Ни в одной команде нет такого бойца. Ей тридцать семь лет, а люди столько не живут, иначе это не люди, а монстры какие-нибудь, киберпотрохами набитые от ушей и до пят. Или это магические зверушки, и только внешность у них человеческая. А Катя – не монстр и не зверушка, электроники в ее голове и в ее мышцах – ноль, она таких штучек не любит; магии, допустим, где-то она училась, у подземных, что ли: колечко у нее серебряное, совершенно особенное, с гоблинскими письменами, на пальчике красуется, в точности как у мажых учеников, да только и магию она терпеть не может... Один раз сказала Тэйки, когда устала от ее вопросов про давнюю свою магическую учебу: «Вот что, красотка! Про магию я тебе скажу одно: не сунешься – не вляпаешься, а не вляпаешься – не будешь вонять. И заткнись, пожалуйста, если тебе не трудно». А любит она генерала Кроху, которого нет уже четыре года. И за эти четыре года она так ни с кем и не переспала, а что живет вместе с Даней, так никакой пользы ей от такого житья нет, потому что ведут они себя как ангелы. Ни он ее не тронет, дубина, ни она его не тронет, колода. Даня-то понятно, у него в команде Торчка старая любовь – рябая Милка, да еще с генеральшей Женькой Рытовой он не прочь, хотя какая Рытова генеральша – так, пшик один... Вот Тэйки была бы генеральшей – да! Что надо была бы она генеральшей. Ладно... Катя всегда удивляла Тэйки. Такая тихоня, а вот полез к ней Баклажан из той же рытовской команды, и никто не знает, успел он Катю изнасиловать, или только помял, а потом болтать всякую чухню принялся, глядь – уже Катя из-за угла выезжает на круизере, влетает в компанию, аккуратно сбивает одного Баклажана и делает разворот. Баклажан валяется со сломанными ногами и верещит, мол, спасите, и, мол, за что?! Рытова верещит, мол, какого хрена? А Катя делает по телу Баклажана еще два рейса – чтоб наверняка... Как она такая выжила, через все прошла? У подземных есть люди – лет под тридцать. В Секретном войске был у Тэйки мужик, так ему год назад было двадцать семь... Но ведь не тридцать семь! А Катя еще догоблинский мир помнит в точности. И не мужиковатая совсем. Везде мягкая, круглая, как бы слабая. Да она и не очень сильная, нет, по всему видно. И маленькая такая, в смысле низенькая. Зато вся команда ее любит: она вроде мамы, одной на троих, одной доброй и не очень строгой мамы... Может, потому она и выжила, что ее все любили? Сейчас ведь ни к кому привязываться нельзя, это себе дороже, это табу. А к Кате – можно, к ней – безопасно. Конечно, еще она может испугать. Во-первых, носит по старой памяти все только черное, кожаное, железяками увешанное, да еще бредется наголо. Правда, нормального человека нынче такими цацками не проймешь. Во-вторых, половина ее лица – неестественного серо-серебристого цвета. Большое серо-серебристое пятно с неровными краями покрывает нос, левую щеку, половину лба и подбородка; верхняя губа приняла тот же нечеловеческий оттенок. В темноте вся эта радость источает бледно-зеленое сияние... Штопали ее наскоряк медики Секретного войска, свой-то, паршивец, отказался: «Я ее просто убью, а не почию. Я такие сложные вещи делать не умею...» А тамошние люди покачали головами и сказали: «Сошьем. Но страшилка выйдет еще та. Подходящих материалов не хватает, поэтому маску мы ей поставим, из... а, вам лучше не забивать голову, ребята». Жутковато выглядит, точно... а не надо лишний раз пялиться!

– А что они от нас хотят, подземные эти?

Катя собрала губы розочкой, и от этого Тэйки поплохело. Если честная, добрая, мамашистая Катерина отвечает не сразу, если она губки складывает по-особенному, значит, жди подставы, да еще такой подставы, что кипящего дерьма будет аж по самые рога.

– Видишь ли, красотка, я... не совсем в курсе. Сейчас будет наш великий генерал, вот он пускай все и объяснит.

– О-о-о! – только и могла ответить Тэйки. – Что, до такой степени?

Катя молчит.

– А может, я не согласна. Может, мы еще похерим это дело. Может...

– Нет! – кричит Немо.

– Почему – нет? Я такая, я могу...

– Да не в тебе дело! Не будет Дани сейчас. Его вообще не будет, если мы живо не поднимемся и не встретим его. Быстренько надо, быстренько!

– Кто... его?

– Верные защитники. Неполное отделение.

Немо выскочил из-за стола и пошел ко входному люку. Тэйки без лишних разговоров отправилась за ним. Катя сняла с оружейной стенки самодельный тесак и ручной пулемет Калашникова без сошек; открыла люк; задраила люк снаружи; сняла машинку с предохранителя и передернула затвор, жалея о том, что к этой убойной железяке у них осталась всего одна запасная обойма. Ну да нечего мечтать о лишних патронах: добывать их команда будет потом, а *жить надо здесь и сейчас*.

– Ну что же, – сказала она сама себе вполголоса, – мы всегда рады гостям.

Глава 4

Генералу не везет

...Даня сколько себя знал, не верил, что есть на свете хоть что-то, не способное на предательство. Техника выходит из строя прежде всего. Люди ненадежны, и даже лучшие из них, самые честные, самые добрые, обязательно имеют какую-нибудь уязвимую точку, и если ты ее знаешь, остается разок вдарить по ней, как следует, чтобы сломать человека. Магия подводит всегда, при любых обстоятельствах, ее бы лучше сторониться. Собственным глазам можно верить очень умеренно, собственным ушам – еще того меньше, собственное тело врет на каждом шагу. Оно говорит тебе: я устало, я истощено, мне бы сейчас просто лечь, да тихо помереть, в то время как на самом деле оно еще и побегать, и подраться может, а помрет естественной смертью где-нибудь между двадцатью и двадцатью пятью годами, как у всех нормальных людей. Пока ему только пятнадцать, и щадить его – только себе во вред. Нет, джентльмены, никакой пощады!

Сегодня его предало все оптом. День такой выдался – несчастливый. Как всегда, отправляясь в Вольную зону, к монахам, Даня особенно не волновался. Да что там, по каменным блокам, остаткам моста, который Катя почему-то упорно называет «Метромостом», да по ржавым крышам вагонов, точащим из реки, да железной арматуре, да по грязи, которой намыло просто немерено, да пару раз перескочить через проливчики, прорытые рекой в этой «запруде», да в одном месте вброд, да на той еще стороне с километр ходу. Ерунда. Родные места. Каждый бульдик знаком. А там, в Новодевичьем монастыре, полная безопасность. Монахи возвели стену втрое выше старой, – старая-то было как бы вокруг садика-огородика, несерьезно, – поставили орудия в амбразуры, пулеметы, огнеметы, четыре вертолета у них, а главное, ни с какой магией туда не проберешься, магию живо отшибает. Потому и называют такие места вольными зонами. Еще метров на двести, а то и на триста вокруг стен – тоже чисто, ни одна магическая вещичка не фунциклирует, проверено. Они даже сажают тут что-то, картошку, что ли... Ну, это понятно, кушать-то хочется. Гоблинская дружина и Верные защитники сюда ни по разу совались, только зона им не по зубам. Три года назад врагам последний раз поддудилось крупную вольную зону сломать – Симонову. Остальные с тех пор железно держатся, даже, говорят, кое-где расширяться начали...

В общем, нарядился Даня как на прогулку. Он всегда ходил в старой солдатской форме, они как-то на складе нашли кучу такой формы. Зеленая, хотя и называет ее Катя «хаки», но слово это непонятно никому, и пусть бы лучше не выдумывала глупостей. Ручную гранату Ф-1 в карман положил. Старый пистолет Макарова за пояс сунул, и к нему одну запасную обойму прихватил. Ножны с финкой подцепил к ремню. «Огненный молот» – новенький, производства подземных, за добрые гоблинские сапоги, с трупа снятые, выменянный, к правому предплечью скотчем примотал. Серебряный нательный крест, который Дане от родителей достался, поцеловал. Крест – лучший пропуск в вольную зону. Без него туда соваться резону нет. Только вот с «огненным молотом» он будет конфликтовать... Такие артефакты всегда конфликтуют между собой. Ну и фигли? Сходить на два шага от дома, ерунда какая...

Вот и сходил, мать твою сорок восемь!

Нет, ходил он не напрасно. На дело, заказанное команде Подземным Кругом, без кое-каких причиндалов даже в мыслях наяриваться не стоит. Смертельный аттракцион – переть на гоблинского мага с обычным оружием... А тут еще... тьфу. Только от нужды с пронырами этими подружишься. И ведь самая нужда надвигается – по боеприпасам и по харчам. Если ничего не делать, просто загнешься. Вот команда Башмакова и нарвалась, ослабили ребята с голодухи, какое-то мелкое зверье их порвало. Всех троих. А команду Штыря верные защитники перестреляли. У парней патроны вышли, прочие дела вышли, бери их тепленькими...

Девять человек было у Штыря, это ж не команда, эта командища! А пропал ни за грош, на пустом месте. От паршивых овец, верных защитников, которых только ленивый не бил и не грабил!..

В общем, надо было Дане в монастырь. И пока туда ходил Даня, все было чики-чики. И там тоже ему помогли, плюс еще со старыми знакомыми потрепался: по всему выходит, не тот уже враг... От таких мыслей хорошо сделалось Дане, и на обратном пути он тупо нарвался на дикую банду. Нарвался там, где никто, даже пацан семилетний ни за что не нарвется. Нарвался на приезжих – еще того позорнее.

Посреди реки.

Он как раз перепрыгнул с большой каменной глыбы на крышу полузатопленного метро-вагона, поскользнулся, замахал руками, восстанавливая равновесие, и вдруг услышал негромкий голос:

– А теперь, салабон, так и застынь, руки не опускай. Стоять! Не опускай, я сказал!

Короткая автоматная очередь. Вода издаёт звук поцелуя, твердь крыши взвизгивает, принимая в себя пулю.

«Дурень...ля. Попал, как кур в ошип», – с досадой подумал Даня, подчиняясь приказу.

– Братья, я генерал Даня!

– А нам местное дерьмо по х...ю.

Сознание его живо очистилось от лишних, ввергших в неприятности мыслей. Так. Один с автоматом в пятнадцати метрах за грудой камней – руиной быка. Другой рядышком, за соседней руиной. О! Худо. Целится из снайперской винтовки. Этот опасен по-настоящему. Еще двое перегораживают путь вперед, но у них, кажется, только сабли какие-то, дерьмо собачье. И сколько-то народу на берегу, с той стороны. Сколько? Один? Пять? Десять? Чуткие уши Дани уловили клацанье затвором сзади. Затвор автоматный, ни с чем не спутаешь. Значит, как минимум шесть целей...

– Сейчас ты ляжешь, салабон, руки положишь на голову, и все твои движения будут медленными, очень медленными... ты же не хочешь покрасить реку в красное, нет? Давай, тихонечко. Не бойсь, мы барахлишко-то снимем, а жизнишку твою грошовую оставим, к чему она нам? Ку-уда! Огонь!

Даня очень хорошо знал: люди, склонные к болтовне, лучше дело не сделают, пусть даже самое дорогое, самое главное дело в своей жизни, но длинную фразу обязательно доведут до конца. Таких – хлебом не корми, дай только свое доболтать... А жить ему оставалось самую малость, потому что бойцов из диких банд, бродивших от одной ничейной земли к другой и нападавших на местные команды, без пощады травили всем сообществом. Так лучше бы им теперь свидетеля не оставлять – гонять не будут. И Даня прыгнул назад, прогибом, прямо в воду, рискуя при этом расшибить хребет, если со дна торчит какая-нибудь железяка. В прыжке он успел выстрелить всего один раз, особым движением пальцев подключив «огненный молот». Но в своей команде Даня был не только генералом, а значит, специалистом по тактике. Он все знал понемногу, особенно же поработал над стрельбой. При любой операции огневая поддержка была на нем. Поэтому теперь он, падая, поразил единственного реально опасного бойца чужаков – снайпера.

Брызги полетели во все стороны. Автоматные очереди вспороли медленное течение реки. Старшой банды захлебывался матом. Но над всей этой какофонией возобладал вой снайпера, плавающего, подобно факелу.

«А вот теперь мы повоюем», – сказал сам себе Даня, уходя на глубину.

Белые трассы отмечали вокруг него траектории вражеских пуль. Даня постарался отплыть от опасного места подальше. Он добрался до самой глубокой части реки, всплыл, набрал воздуха в легкие и сделал еще один выстрел: большим рисковать не стал – не тот случай, чтобы попусту рисковать.

Теперь и вожак дикой банды отправился на тот свет через горнило огненной смерти...
«Два – ноль», – спокойно отметил Даня.

Подплывая к противоположному берегу, он уже чувствовал, как вода забирает его понемногу в свой ледяной плен. Еще две-три минуты, и мышцы одеревенеют. Следовало рисковать.

Даня всплыл в третий раз. На пригорке стоял чужак и целился в него из милицейского карабина «Иртыш-32», очень качественной машинки, особенно если работает с нею настоящий умелец. Позиция для стрельбы по нему у Дани была никакая: цель частично загораживал полуразрушенный парапет набережной, отчасти кустики, отчасти же неровный земляной бугор. Рядом со стрелком стояли еще двое. Значит, двое... Правда, у них не было стволов: один вооружился тесаком, а другой – самодельной кованой секирой.

И все-таки Даня выстрелил. Но вместе искусственной молнии с «огненного молота» сорвался солнечный зайчик, моментально растаявший в воздухе. Игрушка сдохла...

– Дах! Дах!

Даня обманул парня с карабином на долю секунды. Промедлил бы еще чуть-чуть, и хана. Пуля коснулась кожи на его голове, у самого виска. Выдрав малую ее частицу, свинцовая дурища пошла ко дну. Но удар был страшен: Даня почувствовал, как меркнет сознание, будто ловкий кулачный боец отправил его в нокдаун.

«Граната? Нет, промокла, не работает. Пистолет? Тоже, может быть сбой... Ну, приди в себя, сопля!» – лихорадочно пытался сосредоточиться Даня. А холодная стихия воды уже вгоняла ему иглы под кожу...

Он всплыл очень близко от стрелка. Он здорово рисковал. Ему требовалось на целую секунду больше времени, чем нужно для простого верного выстрела... Но это была оптимальная тактика.

Финка полетела на randevу со стрелком, поцеловала его в горло и вогнала холодную свою страсть глубоко в его плоть. Захлебываясь кровью, чужак упал, покатился по склону и выронил карабин. «Иртыш» слился с водами Москвы-реки.

– Оч-чень удачно вышло... – хладнокровно прокомментировал Даня. Он выкарабкался на набережную, роняя крупные алые капли. Рядом дзенькали автоматные пули, кроша старинный бетон: последний боец банды, вооруженный стволом, поливал Даню с другого берега. Но автомат – не винтовка, не карабин даже, он предназначен только для ближнего боя, а на таком расстоянии попадают лишь сущие мастера, да везунчики. Мастером вражина не был, а лимит удачи он, как видно, исчерпал раньше.

Двое ребяток – с тесаком и топором – были уже совсем рядом. А на подходе Даня увидел еще двоих.

Наверное, он что-то мог бы сделать, припомнив уроки генерала Крохи. Тот был мастаком по части рукопашного боя. Но Даня мастаком не стал: стрелять он умел как надо, а вот драться руками-ногами – не очень. Между тем, в руках специалиста секира представляет собой страшную вещь...

– Нет, не оптимально, – сделал вывод Даня.

Встречать их в боевой стойке он не собирался. Вместо этого Даня вытащил гранату, дернул колечко и отправил подарочек преследователям. «Взорвется, – считал он ситуацию, – так парой проблем меньше. А не взорвется, так они хотя бы залягут и дадут мне уйти».

Граната, сволочь, не взорвалась. Зато ребятки уткнулись репами в землю, лежат, не шелохнутся. И пока они лежали, Даня выиграл метров сто дистанции, а потом принялся карабкаться по кособору, чувствуя себя в относительной безопасности. Только добравшись до самого верха, он осмелился вытащить пистолет и произвести маленький эксперимент. Ребятки уже лезли вслед за ним. Выцелив чужака с секирой и дождавшись паузы между двумя ударами сердца, Даня плавно нажал на спусковой крючок.

Осечка!

Еще разок...

Осечка!

То ли Макарычу не понравилось купание в реке, то ли в старичке по ветхости лет рассыпался какой-то важный орган, но только и эта игрушка стала бесполезной. Даня чертыхнулся: здоровое разумение, наблюдательность и оружие предавали его сегодня с добротной регулярностью.

Что ж, оставалось бежать. Конечно, в мокрой одежде, усталый и с левым глазом, заливаемым кровью, он тот еще бегун на дальнюю дистанцию. Но, во-первых, иного варианта у него не было, и, во-вторых, тонкое искусство уходить от преследователей Даня крепко усвоил еще много лет назад, когда был сам по себе и чуть не погиб, сторонясь всех команд.

И Даня побежал.

В его теле не было ни капли жира, все оно представляло собой резиновые перетяжки мускулов, прикрепленных к костяному каркасу; В случае крайней необходимости, Даня умел напряжением воли заставить его делать то, что оно не хотело или даже в принципе *не могло* делать. Сейчас этого не требовалось. Несмотря на ледяное купание, мышцы ног были в рабочем состоянии и выдавали скорость, достаточную для спасения. Преследователи Дани не отставали, но и не могли его догнать. Ему оставалось пробежать чуть менее километра, а там, в золе ловушек, расставленных вокруг их подземной берлоги, он нашел бы способ положить всех чужаков – одного за другим.

«И мороки бы не было, если б я догадался взять с собой *непромокаемое* оружие», – на бегу досадовал Даня. Впрочем, что толку предаваться мечтаниям на мотив если бы да кабы... *Жить надо здесь и сейчас.*

А здесь и сейчас следовало удирать во всю прыть.

Он бы ушел. Легко и незамысловато – на одной скорости. Но тут вдруг выяснилось, что у его преследователей не одни только наточенные железяки. По крайней мере один из них обзавелся кое-чем посерьезнее...

Даня почувствовал, как вокруг его левой лодыжки смыкается стальная петля. Рванулся. Тонкая металлическая проволока беспощадно впиалась в плоть. Даня рухнул, как подкошенный, покатился по развороченному асфальту, обдирая руки.

Взглянул на ногу. Так есть – никакой проволоки, никакой петли, хотя, казалось бы, еще немного, и ногу перережет пополам.

«Угораздило же нарваться...»

Это было «лассо школьницы» – знать бы только, что значит слово «школьница»... Если же добавить к нему еще и слово «лассо», то получится обозначение одного из самых простых в обращении и безотказных магических артефактов. Чтобы привести его в боевое состояние и метнуть, как надо, лучше бы ждать противника в засаде: в движении это довольно сложно. Но вот беда: нашелся среди чужаков умелец, ухитрившийся воспользоваться игрушкой на бегу.

От обычного лассо магическое отличалось тем, что оно не только обездвигивало, а еще и отрезало от попавшегося ногу, руку или голову – смотря на что удалось его накинуть. В течение нескольких секунд давило, а потом становилось мясницким инструментом.

«Хана. Без ноги против двух железяк мне не выстоять. Против четырех – тем более...»

Лодыжка болела нестерпимо. Двое чужаков стремительно приближались.

Неожиданно петля «лопнула»: исчезла, будто ее и не было.

«Крестик, значит. Если там помешал – так тут помог», – подумал Даня, вскакивая на ноги. Явно, крест лишил «лассо школьницы» магической мощи совершенно так же, как он разрядил пару минут назад «огненный молот».

Даню отделяло от самого шустрого из дикой банды не более пятидесяти метров. Он припустил, что есть силы, но ему сегодня положительно не везло. Последние да года он влезал в самые опасные переделки, какие только может выдумать на свою голову генерал лучшей

команды московского Юго-Запада. Ему уже раз десять должны были отчекрыжить голову, но, видно, залежи невезения копились месяц за месяцем, чтобы в один прекрасный день Даня оказался посреди сочного их месторождения. Так бывает иногда. А может быть, он расслабился, уверовал в пустую и никчемную фразу «все будет хорошо»...

Не успел он сделать и пары шагов, как онемевшая нога подвернулась. Даня не упал. Чудом он сохранил равновесие. Но в ступне что-то неприятно хрустнуло, и боль пронзила всю ногу до самого паха.

Он все еще бежал. Он приказал себе «расцепиться» с болью. Отойти от нее подальше. Не вчувствоваться в нее. Как будто ее нет. Но долго так продолжаться не могло.

Теперь ему явно не хватало скорости. Парень с секирой понемногу сокращал дистанцию, их разделявшую. Сорок метров. Тридцать. Двадцать. Вот уже за спиной, дышит в затылок, выбирает момент для удара.

До развалин станции метро «Университет» оставалось, самое малое, четыреста метров.

«Ладно. Придется драться. Ой, как не хочется. И надо же было с какими-то жалкими олухами, шпаной, бродягами бестолковыми влететь по полной программе!»

Впрочем, у него еще оставалась надежда. Возможно, Немо почуял грядущие неприятности, и команда вышла его встречать. Очень бы хотелось. Но даже с учетом этого – далековато. Не видно его оттуда. И чужаков не видно.

А если?

«Поможем девочкам...»

Даня вильнул в сторону, уходя от смертоносной секиры, и полез на мусорную гряду, щедро вкладывая силы в быстроту движений. Гряда шла вдоль границы бывшего проспекта на протяжении двадцати или тридцати метров и была достаточно высокой, чтобы двух бегунов, затеявших посоревноваться на ней, заметили издалека.

Чужак полез вслед за ним. И второй – в десятке шагов за первым – сделал то же самое. Даня завыл от боли и рванул по гребню, ощущая, как по ступне то и дело лупит невидимый молоток.

«Ну же! Где ж вы, девочки? Что, постирушку, вашу мать, затеяли?!»

И тут пулеметная очередь косо прошла по груди чужака. Секира полетела в одну сторону, сам он в другую... Но второй, как видно, глупый, неопытный человек, решил не отпустить добычу – вот же она, под самым носом, хроменькая! Ату ее! Он получил пулю в голову и упал, едва не задев Даню острием тесака.

Остальные двое преследователей с пулеметом спорить не решились и резво повернули назад.

Даня остановился. Хрипя, он сел, отер кровь с лица, а потом повалился на спину.

– Какого хрена... – пробормотал он, закрывая глаза.

Глава 5

Радикальное средство

Немо втащил тело генерала в подземный бункер и аккуратно положил его на стол, за которым команда недавно завтракала. Предварительно Тэйки смахнула объедки и пластиковые стаканчики, на что Катя сказала: «А теперь возьми совок и все это убери, душа моя».

Даня приподнялся на локте, чтобы показать – помирать, мол, не собираюсь, все нормально. Свое состояние он спокойным голосом прокомментировал:

– Рана на голове – ерунда, не смотрите, что крови малость накапало... С ногой хуже. Нога ни к черту. Подвернул, будь она неладна. Странно, боли нет совсем, только мышцы не слушаются... Придется полежать, пока бедняжка не придет в норму. Часок полежу, и начнем готовиться.

Тем временем Катя промыла ему рану, затем стащила с него сапоги, разрешила армейские штаны, зауженные книзу, – такие не закатаешь. Добравшись до ступни генерала, она принялась аккуратно ошупывать ее.

Тэйки молча разглядывала распластанное тело. Даня был красавчиком, и это бесило ее, непонятно, по какой причине. Русые волосы, собранные в косичку и схваченные резинкой. Правда, сейчас они были заляпаны кровью, но воображение и память Тэйки живо нарисовали ей «беловой» вариант. Чистая, белая кожа, очень белая, сукин сын довольно долго жил под землей, в убежище Секретного войска. Тьма выбелила его кожу... Не низок и не высок, сух плотью, широкоплеч. Но Тэйки прежде всего пялилась на лицо: у Дани правильные черты, крупные, как бы выложенные цветным камнем по молочному – Тэйки видела такое в некоторых станциях метро. Зеленые глаза. Нет, не ровного цвета, пятнами... но все-таки, почему паразиту Дане достались классные женские глаза, в то время как ей – самые обыкновенные светло-карие? Что проку в светло-карих глазах, с такими ходит каждый третий, или даже каждый второй?! Несправедливо. Пожалуй, она не отказалась бы разок-другой переспать с Даней, а потом как следует набить ему рожу. Да, именно в таком порядке. Впрочем, полезно было бы сначала разбить рожу, потом переспать, а потом опять заняться рожей... Вот это – взрослый подход.

– Что, Катюша? Почему молчишь? Вывих там? Ну давай, дерни посильнее, я уж как-нибудь потерплю...

Катя молчала. Молчала и хмурилась.

– Перелом? Не может быть перелома, я бы тогда не добежал. Трещина какая-нибудь дурацкая?

Так же молча она принялась распарывать штаны Дани по шву до колена, а потом и до середины бедра.

– А теперь как генерал тебе приказываю: доложи, какого рожна ты мне всю ногу исщупала чуть не до яиц?! – голос Дани изменился. Он был вправе повелевать и теперь требовал послушания.

– Прости, – откликнулась Катя. – Дело швах. Ты чувствуешь мои пальцы?

– Да... Слегка.

– А теперь?

– То же самое.

– А так?

– Да что ты гладишь меня!

– Я не глажу. Если бы у тебя был перелом, ты бы сейчас потерял сознание от боли. Если вывих – просто выл бы волком. И даже если простое растяжение, непременно попытался бы двинуть меня здоровой ногой. А вот здесь – как?

- Э, полегче. Это *мое* мясо.
- Очень хорошо.
- Не тяни, Катя. Нам сегодня еще работать.
- Боюсь... насчет работать... – она выразительно пожала плечами. Мол, и безногого можно научить бегать, только набегает он с гулькин причиндал.
- Объясни толком.
- Даня, это воздействие магического амулета, только очень хитрого и очень дорогого...
- Насколько дорогого?
- На нашем уровне такой добыть невозможно.
- Тогда какого рожна... – начал было генерал и вдруг осекся. Странная догадка посетила его.
- Должно быть похоже на обычное «лассо школьницы». Было что-то вроде «лассо школьницы»?
- Да.
- По идее, эту штука должна была отрезать тебе ногу, но что-то не сработало. А когда такие вещи не срабатывают, они убивают, – насколько я знаю их конструкторов. Но она и не убила тебя. Случаются же такие чудеса! Понять не могу, какой фактор помешал? Смотрю и не вижу...
- Я тебе потом расскажу, Катя, а ты давай, резче языком работай.
- Конечно. Хорошо. Так вот, Даня, остаточное магическое воздействие, оно вроде ружейки... Непонятно сказала? Ладно. Оно вроде игральной карты. Может рубашкой кверху лечь, а может картинкой. Пятьдесят на пятьдесят. Если ляжет, как надо, нога твоя получит назад потерянную чувствительность, да и вообще все будет нормально. А если... другой случай, то тебе каюк. И даже не знаю, сколько осталось до последней точки: то ли полчаса, то ли неделя.
- Даня заулыбался. Весть о том, что смерть дышит ему в лицо, кажется, ничуть не расстроила генерала. Он лишь почесал лоб и сказал:
 - Хоть отдохну от ваших морд. До чего ж вы меня достали!
- Тэйки, улыбаясь тем же ласковым манером, ответила:
 - Куда ты от нас, генералишка малосольный! Все равно скоро в одном месте будем.
 - И ты думаешь, тебя в этом прикиде пустят в ад?
 - А кто их будет спрашивать? Просто подойду к воротам – или какая там у них система на входе, – и займусь тем же, чем и здесь занимаюсь, разбором нелюди на запчасти, стало быть. Я так думаю, она что здесь, у нас, что там, на родине у них, из одного дерьма склеена.
- Неожиданно Катя шлепнула генерала по середине бедра. Звук разнесся по всей комнате.
 - Что за резкие движения? – осведомился Даня.
 - Почувствовал?
 - Почувствовал – что, Катя?
- Та вздохнула и поморщилась. Ответила она тем же официальным голосом, каким Даня приказывал ей «доложить» диагноз.
 - Пять минут назад, генерал, это место еще знало, что такое «больно». Теперь забыло. Твоя карта худо легла. Что будем делать?
- Она знала, что *ей* придется делать, но оттягивала миг, когда это узнают все.
 - А какие у нас варианты, Катюша? – столь же ровно спросил ее Даня.
 - Рыжий Макс из команды Хряка, он тут один и врач, и маг, и еще много чего.
 - Нет, Катя. Я могу сдохнуть до того, как он прибудет. И еще: почему ты знаешь, умеет ли Макс лечить такие вещи?
 - Я и не знаю. Можно вызвать специалиста из Подземного магического круга...
- Тэйки не удержалась и фыркнула. Вдруг Немо произнес, обращаясь к Кате:

– Извини, пожалуйста, но тебе придется... – он сделал шаг вперед и погладил Катю по руке, как маленького ребенка.

Тем временем Даня рассуждал:

– Не хотелось бы. Либо за меня должна вся команда, и должна крепко. За такие вещи они просто в кабалу берут... Либо я выхожу из команды и должна сам за себя. – Он хмыкнул. – Что ж, мало не покажется. А придется-то ей что, Немо, а?

– Даня... – замялась Катя, – Даня... или тебе нужна женщина. Срочно. А нас тут только две. И если Тэйки сама не пожелает...

– Стоп. Этот способ – сто процентов излечения?

– Да. – сухо ответила ему Катя.

– Дайте подумать...

Даня помрачнел.

– Как глупо.

Даня помотал головой все на тот же мотив: «Как глупо!»

– Тогда я склоняюсь к мысли выйти из команды...

Катя невесело улыбнулась:

– Ты же слышал, что сказал Немо. А он не умеет ошибаться...

– Не всегда, – опроверг ее генерал.

– Не всегда, – подтвердил Немо. – Но сейчас, скорее всего, так и будет.

– Посмотрим... Команда, слушай меня!

– Мы теряем время, Даня, болван, или ты не понимаешь?

– Заткнись, Тэйки, я сказал: слушать меня. Не стоит такой траты генерал, который не сумел в одиночку справиться с оравой дикой шпаны. Они – никто. А я дал себя ранить и почти дал себя убить. Легче кому-то из вас принять на себя командование, чем ограничивать ради меня свободу, принадлежащую каждой из вас... О тебе, Немо, не говорю, из тебя, старой жестянки, никакой генерал. Только если кто-то из девочек, или со стороны...

– Глупости, – мягко резюмировала Катя.

Тэйки подскочила к генералу и заорала на него:

– Сбрэндил? Лучше тебя я не видела тактика. Да и стрелка, в общем, тоже. Среди нас ты – генерал. Понял? Только ты! Я и готова, если надо...

Тут она вlepила Дане оглушительную пощечину. Сделала паузу и закатила вторую.

– Это еще за что?

– Первая – за то, что ты заставил меня признать тебя лучшим. А вторая – за сопли. Твои сопли тут никому не нужны.

Еще бы Тэйки не пегушиться! Три с лишним года назад Гвоздь и Даня примкнули к остаткам команды Крохи, уже собравшимся разбрестись: команды из них не получалось, во всяком случае, сильной команды. Тогда долго решали, кому верховодить, и когда решили в пользу Дани, она дралась с ним, руку ему вывернула из сустава, могла бы вообще прибить... ну, или... если бы не повезло чуть-чуть, он бы ее прибил. Тоже ведь крепкий... Немо с Катей оттащили Тэйки и объяснили ей: «Подчинись или уйди!» Друзья называется! Она же с ними... не один год! Вместе от смерти спасались! Но вышло к лучшему, Даня оказался мужиком-на-своем-месте. Тэйки жутко не нравилось, что в команде есть кто-то, кому следует подчиняться, но этот кто-то хотя бы достоин был уважения. Ну, временами. Не как сейчас.

Упрямый Даня сделал еще одну попытку:

– Мое предложение логично. Разве не так? Подумайте хорошенько, свистушки!

Вместо свистушек ему ответил Немо:

– Прости, генерал, не совсем. Твое предложение основано на недостаточном количестве информации.

– Что?

– Это не шпана. Не банда. Не стая. Отделение верных защитников, нештатно одетое и вооруженное.

– Как... ты... суть их почувствовал?

Немо кивнул. Даня провел тыльной стороной ладони по губам. Обычно он так делал, когда какое-то происшествие казалось ему непонятым, но настораживающим.

– Я... подумаю об этом. Позже. А теперь я забираю свое предложение назад и приказываю: Катя, займись мной.

Тэйки очень хотелось выяснить, чего ради генерал отверг ее, хотя и слышал... конечно, слышал!.. ее фразу про «если надо». Нет слов, как ей хотелось понять Даню, паршивца, идиота... Почему? Но поскольку Кате, их милой и доброй мамашке, выпала несуразная служба, Тэйки сдержалась. Иногда надо быть пай-девочкой. Такой тонкой и воспитанной, что хоть обосрись.

Может, он двинулся на перестарочках? Его же стерве Женьке Рытовой под двадцать пять годков! И охота ему с бабульками... Впрочем, пусть бы и двинулся генерал Даня на старой завали, какое ей, госпоже Тэйкемии, дело? Совершенно никакого дела.

Глава 6

Любовь южанки

Даню оттащили в маленькую комнатку, где жила Катя, положили на убитый матрац, служивший ей постелью, а кое-кто даже попытался ему помочь со стягиванием штанных остатков, но на кое-кого генерал вяло шикнул:

– Отвали, бешеная овца.

Немо покинул Катину спальню, ободряюще улыбнувшись ее хозяйке. А Тэйки куражливо бросила:

– Счастливой брачной ночи, мадам!

Катя, как только дождалась антракта в детском утреннике, закрыла дверь на ключ. Повернулась к Дане лицом. Оперлась спиной о дверь. Сложила руки на груди.

– Почему я?

Даня заколебался. Не сказать ли правду? Нет, выйдет только хуже и, кстати, намного неправдоподобнее рабочей версии...

– Всего-навсего логика, ничего больше. Во-первых, ты лучше знаешь, какие фортели надо вытворять, чтобы я остался жив. Да нефиг тут гримасы лепить, я магические фортели имею в виду, а не это самое! Ведь одним этим самым дела-то не сделаешь, так?

– Да все несложно, Даня. Я бы научила.

– И, во-вторых, если бы я переспал с Тэйки, команда перестала бы существовать самое позднее через месяц.

– Почему?

– Интуиция, Катя. Я чувствую команду как свое тело, и что-то говорит мне совершенно ясно: здесь – больно, здесь не надо трогать...

– А со мной?

– Я понимаю, Катя. У тебя в башке и в сердце до сих пор Кроха. Так? Не отвечай, без того знаю.

– Я поклялась, дорогой мой генерал, не ложиться ни с кем, пока не отыщу достойного. И ты прости, юноша, хоть и хорош, но для меня ты сущее... – она запнулась.

– Дитя?

– Ты это сказал.

– Да мне не жалко.

– Ты приказываешь мне нарушить клятву? Так попросту, по-бытовому? И Тэйки...

– Никаких Тэйки, Катя! Просто поверь. Вы не зря сделали меня генералом, я вижу кое-что такое, чего не видит никто из вас, – вдохновенно врал Даня.

Его собеседница устало покачала головой.

– Растете вы... Кажется, совсем недавно знала вас всех, как облупленных, а теперь не очень знаю и почти совсем не понимаю...

– Блин, да как мне еще вывернуться, чтоб ты поверила? На ушах сплясать?!

Катя молча сняла куртку и принялась расстегивать рубашку.

– погоди... Ты можешь поставить... у спящего человека?

– Что поставить?

– Ну... то. Сидора Сидорыча.

– Не понимаю тебя.

– Да член, Катя! Болт! Причиндал мужицкий! Банан! Факел! У тебя хватит умения проделывать... все дела... со спящим?

Она уставилась на генерала удивленно. Потом в глазах Кати появился огонек понимания.

– Пожалуй, могу.

– У тебя тут есть запасная аптечка, я знаю. Возьми шприц и вколи мне морфинала... одну ампулу. Не больше! Вечером я должен быть на ногах. А потом... в общем, врачебное мероприятие.

Она легким движением поправила волосы. Молчала. Смотрела на Даню испытывающе.

– Разъясни-ка мне, это как же, не болтовня была детсадовская, а ты и на самом деле не хочешь меня?

Генерал усмехнулся.

– На свете есть много вещей поважнее.

– Положим, глупости говоришь.

– Ты не поняла меня, Катя. По правде сказать, я не знаю, хочу я тебя, или нет. Ты была для всех нас матерью, и до сих пор осталась. Мне и в голову не приходило...

Дане, конечно, *приходило в голову*, и не раз. Но сейчас ему нужна была команда, работающая как часы, старая добрая команда, которая до сегодняшнего утра готова была без посторонней помощи атаковать весь мир. Имелась еще и иная причина... В общем, генерал готов был сочинять убедительную ложь пудами и километрами, только бы Катя сыграла свою роль просто и без церемоний.

– Не очень-то я тебе верю... Но со шприцем, откровенно говоря, выйдет лучше, чем без него. Ты только не обижайся, Даня.

– Катя... Ты не станешь для меня женщиной, я не стану для тебя мужчиной. Все останется на своих местах. А теперь хватит болтать и выдрючиваться. Займись делом.

Катя молча раздела его. Торопливо, небрежно, как раздраженная мамашка стягивают с мальчугана майку, пропахшую потом. «Где ты гулял? Почему изгваздался, как поросенок?» Столь же торопливо сняла собственную рубашку... сняла, и только потом догадалась потушить верхний свет, а вместо него зажгла настольную лампу, но и ее загородила какой-то бытовой мелочью – Даня не обратил внимания, какой именно, – оставив в комнате лишь неровный плеск бледности... Катя суетилась. Такого генерал не замечал за ней прежде.

Он было подумал: «А она сама... не врет ли часом? Может, ей хотелось сделать меня своим мужчиной... Только кривлялась, мол, Кроха-Кроха... Четыре года нет его, а Катя – не железная». Но потом эту тщеславную мысль сменила другая, более здравая и для способа думать, присущего Дане, очень характерная: «Да все бабы волнуются, когда думают об этом...»

– Ты южанка?

– Что?

– Я говорю, ты родом с юга? Только не с юга Москвы, а вообще – с юга? Ты смуглая, как корка пшеничного хлеба... я ел такой несколько раз.

– Заметил-таки? Эту кожу ты видишь каждый день.

– Только ладони и лицо. А теперь разглядел побольше.

– Нравится? – тон, которым был задан этот вопрос, поставил Даню в тупик. Ему оставалось дать вежливый осторожный ответ:

– Конечно, нравится. Ужасно красиво... Но ты не ответила.

– Ты раньше никогда не спрашивал. Да, я из Харькова. Это город... это *был* город далеко-далеко на юге. Богатый город. Там очень тепло, теплее, чем в Москве... неважно. Лучше бы нам не болтать сейчас. Трепотня мешает моей работёнке, а мне бы надо сосредоточиться.

Генерал послушно заткнулся. Катя легонько пошумливила, расставляя вокруг постели разнообразную магическую мелочь. Тенькали по каменному полу склянки, глухо стукнул неведомый деревянный предмет, зашелестела старая бумага... новой бумаги Даня не видел никогда.

Раз или два ему удавалось различить в мутном сееве почти-света очертания ее тела. Сначала Катя ему не понравилась. Тяжела. Дане по душе были девочки легкие, стремительные,

невесомые, резкие. Катя несколько не подходила под это определение. Но ее пластичная мягкость, плавная округлость заставили генерала думать о ней.

Катя принялась вполголоса напевать гоблинское заклинание, отбивая ритм пятками об пол. Медленно, потом быстрее, быстрее, еще быстрее... Не замедляя ритма, она наполнила шприц и сделала укол. Затем полоснула себя по руке ножом, вымазала лицо кровью и точно так же залила ею Данино лицо. Человеческие маги любят рисовать на теле кровавые письмена и узоры; гоблинская магия более проста и прагматична: красного сока должно быть просто-напросто *много*, тогда его древний состав сам примется за работу...

Даня пытался уследить за женщиной, но уже не мог: всё двоилось у него в глазах. Размытые очертания плеч, бедер, шеи завораживали Даню. Линии плавных изгибов Катиного тела плыли вокруг ложа в ритме стремительного танца. В конце концов генерал пришел к выводу: его врачевательница хоть и стара, но очень красива... Он почти возжелал Катю, когда почувствовал на себе ее тяжесть. Однако в этот миг снотворное начало действовать всерьез, и желание завертелось вместе с потолком, лицом Кати и всем миром, чтобы через несколько мгновений исчезнуть...

Глава 7

Дракон горит

Дане снился сон.

Этот сон приходил к нему часто – чуть ли не раз в месяц.

Он вновь видел, как его родители жгли первого своего дракона.

Само место, где он тогда жил, называли по-разному. Иногда – «ферма номер 11». Иногда – «правительственное детское убежище». Иногда – «резерв генштаба Секретного войска». От тех времен у Дани сохранилось три отчетливых воспоминания. Во-первых, тогда его кормили три раза в день, и для того, чтобы получить пищу, ничего не требовалось предпринимать. Во-вторых, у него были родители. Целых два. Папа успел ему кое-что рассказать о прошлой жизни, той, которую отняли гоблинские дружины. Мама успела объяснить, что крестик на шее – это важно. В-третьих, люди, жившие по-соседству, умели убивать драконов. Конечно, взрослые. Защитники. Детей было много, очень много, но они только-только учились драться, а взрослые дрались уже много лет... Тем не менее, драконов они убивали худо, с большим трудом и большими потерями.

Особенно, когда им пришлось это делать в первый раз...

Незадолго до того дня Дане исполнилось пять лет. Он съел первое и последнее пирожное в своей жизни.

Стоял май. Даня удрал из подземного бункера, чтобы прогуляться снаружи, но далеко отойти не успел. Неожиданно над всем поселком разнесся вой сирены. Даня был научен тому, как вести себя в таких случаях. Он побежал ко входу в подземелье. Будь Даня чуть ближе, он бы скрылся в бункере, но ему не хватило всего лишь полсотни метров: входной люк закрылся прямо у него перед носом.

Пятилетний мальчик кричал, колотил по броне кулачками и, совсем потеряв голову, даже принялся ногтями скрести холодный металл, но люк оставался неподвижным. Никто не откликнулся на крики и мольбы Дани. Много лет спустя он понял: дежурные выполняли инструкцию – они пытались спасти многих, принесли в жертву одного... Но тогда он был не в состоянии задуматься над этим, а задумавшись, вряд ли понял бы. Тогда его сознание затопил вязкий первобытный ужас. Даня мог только кричать, плакать и трястись от страха.

В конце концов он сел спиной к люку, рыдая и всхлипывая. Тут неподалеку от Дани заработала зенитная установка. Грохот стоял такой, что у мальчика заложило уши. Станным образом оглушительный рев орудия не испугал его, а заинтересовал. «Куда они стреляют?» – подумал Даня.

Рыдания прекратились в одну секунду...

А стреляли они в небо, и там, загораживая ватные громады облаков, повисли грязные лохмотья разрывов. Большое черное существо, судорожно взмахивая крыльями, маневрировало, пытаясь избежать попадания. Даня едва-едва мог различить его контуры. «Что это? Большая птица? Дракон?» Два снаряда все-таки настигли цель, и мальчику показалось, будто из драконьего брюха выдрали ворох тряпок.

Огненные струи ударили с вышины – одна, вторая, третья, – и зенитка захлебнулась. Там, где она стояла, пылало все: дерево, металл, земля, трава... Оттуда слышались вопли обожженных, но еще живых артиллеристов.

Однако и дракону пришлось туго: правое его крыло разорвали осколки артиллерийских снарядов. Чудовище тяжело рухнуло, раздавив и разметав дюжину хибарок. По случайному стечению обстоятельств, место его падения оказалось совсем недалеко от маленькой ниши в холме, скрывавшей входной люк подземелья. Даня разглядел животное во всех подробностях и крепко-накрепко запомнил увиденное.

Дракон? Да, так его называли взрослые, поскольку более удачного слова не нашлось. И так назвал его сам Даня, когда увидел в первый раз. Но с добрыми и мудрыми сказочными драконами это чудовище не имело ничего общего. Кровь из его ран не лилась. Струи огня били не из пасти, а из отверстия, время от времени открывавшегося в груди. Оно же служило дракону ртом, – во всяком случае, ничего в большей степени подходящего на роль рта Даня не заметил. Голова и шея у зверя напрочь отсутствовали. Зато между крыльями на спине бугрился безобразный горб, и по нему свободно перемещались восемь или десять пар глаз. Из брюха выпячивалось огромное вымя, так же усаженное глазами. Длинное, веретенообразное туловище, четыре пары лап, плоский хвост – как у бобра... Никакого сходства с земными динозаврами или птицами.

По дракону били из всех видов оружия. Пулеметную трескотню то и дело перекрывали взрывы гранат и глухое даханье стингеров. Чудовище топталось на месте, рефлекторно било ошметками крыльев, пускало огненные фонтаны и не собиралось умирать. Оно как будто не было по-настоящему живым и состояло, как тогда показалось мальчику, из черной резины, вроде покрышек у грузовиков. Через много лет Дане объяснили: у многих гоблинских зверушек нет ни крови, ни плоти, ни кожи в привычном смысле этих слов. Это псевдоплоть, и создают ее из крови, плоти и кожи мертвецов...

Небольшой отряд отчаянно храбрых мечников рванулся было дорубить изувеченную тушу, но дракон выпустил им навстречу губительный вал огня. Мало кто из атакующих уцелел. Наконец, кто-то ударил по чудовищу из огнемета, и оно само, как ни странно, запылало. По телу его поползли черные пузырящиеся «слезы». Через минуту дракон больше всего напоминал горящий ком пластилина, размером с трехэтажный дом... Кончено.

В тот день погибли родители Дани.

В тот день кончилось его детство.

В тот день он понял и прочувствовал – глубоко, до самых потрохов, – что означает слово «враг».

Драконы прилетали еще и еще. И это были не только «штурмовые», но и «транспортные» чудовища, приносившие на спине гоблинские десантные отряды. Все они умирали – и драконы, и гоблины, но защитников с каждым днем становилось все меньше. Даня иногда слышал фразы, наполненные неясной угрозой и не рассчитанные на детское разумение... Их произносили вполголоса: «программа истребления человеческих детей»... «нащупали – не отцепятся»... «срочно эвакуировать»... Он не видел боев, поскольку все время находился в убежище под землей и *никогда* не пытался, как раньше, сбежать. Просто иногда воспитатели и бойцы говорили: «Прилетел дракон». Или: «Таню схоронили вчера». Или: «Не меньше сотни латников, и ни чем их броню не возьмешь, хоть из пулемета. Едва справились...» Кто-то советовал выписать мага у подземных. Ему отвечали в духе: «Во что мы тогда превратимся? Человеческая суть должна оставаться неизменной. Надо сохранять старый культурный уклад». На это все чаще возражали, мол, ради детей надо попробовать...

Но ни эвакуировать бункер, ни раздобыть собственного мага защитники уже не успели. Однажды входной люк задраили, как всегда бывало во время сражений на поверхности, и очень долго не открывали. А потом клепаная броняжка со скрипом отошла в сторону, раздался стон и в бункер вполз офицер, с ног до головы запачканный кровью. Ему еще хватило сил произнести: «Бегите. Может, хоть кто-то спасется»...

Даня выскочил из подземелья первым. И он не смотрел назад, а потому не узнал, спасся ли кто-нибудь еще, кроме него. Даня мог погибнуть раз десять в тот день, но ему повезло выжить. Всякий раз, когда он уходил из-под носа у старухи с остро наточенной косой, перед глазами у него вставала картина: плавающий дракон. Тот самый. Первый. Других он в ту пору не видел.

Впоследствии этот сон приходил к нему часто...

Вот уже десять лет не было для Дани ничего святее пламени, убивающего дракона.

Глава 8

Недолгое счастье

...Катя покинула генерала. Они перестали быть единым целым. Его пламя больше не жгло ее плоть.

Катя легла рядом, положив голову ему на плечо. Счастье, ее переполнявшее, медленно вытекало через глаза и уста, через поры на коже. Катя не могла остановить его уход и даже задержать его. Нежность – пена на счастье, она первой является, и первой покидает пару влюбленных. В памяти останутся только случайные обстоятельства, да еще чувство драгоценности: все, что происходило между двумя людьми, сохранится наподобие сияния, исходящего от бриллианта, рубина или изумруда... Память о любви – память о свете.

У нее есть еще немного времени, побыть собой и попрощаться с недолгим своим счастьем... Катя три года мечтала о Дане! И получила его на четверть часа... Даня никогда не вспомнит о ее руках и губах и никогда не услышит от нее о подробностях. Пусть! Оно того стоило.

Катя полюбила его, как только увидела, сначала как сына, а через пару лет – как мужчину, и уже тогда знала, что этот блистательный мальчик никогда не будет ее. Она видела в снах, как возвращается старая, спокойная и сытая жизнь, как гуляют они с Даней рука об руку по аллеям старого парка, и каждое дерево, каждая пичуга, каждая лужа поет их любовь... Но то – призрачное прошлое, а в настоящем Катя не чаяла даже сегодняшней скудной радости.

Даня любил Тэйки, а девочка – его, хотя оба, по молодости и дурости, еще не сумели понять эту простую правду. Но если б даже они были холодны и равнодушны друг к другу, Катя не посягнула бы на Даню. Он – Генерал, человек, стоивший десятка их групп. Бог весть, откуда взялся и по чьей милости прорезался в мальчишке военный талант, но видели и признавали его все. Ни одна группа не совершила столько рискованных и славных дел без потерь. Только их сумасшедшая четверка.

Когда-то Катя провела два года в Кремле – как имущество старого гоблинского мага, которому втемяшилось отведать прелестей любовницы-человека. Высокое положение хозяина ограждало Катю от тяжелых работ, оскорблений и прочих мук рабства. Он даже учил ее, бывало, азам магии, запретной для людей. То ли не боялся найти в постельном быдле способную ученицу, то ли не намеревался отпустить ее от себя живой, когда страсть иссякнет.

Она *не привыкла* к нему. Каждую ночь, когда гоблин являлся к ней, он был так же отвратителен, как и в первый раз.

И Катя бежала. Очень опасным способом. От верной смерти ее спасли уроки хозяина, крепко усвоенные ею.

С тех пор она очень высоко ценила тот женский выбор, который совершала ее душа. Она допустила к себе Кроху, любя его. Она соединялась сегодня с Даней, любя его. А не будь этого чувства, Катя просто не подчинилась бы приказу генерала. Как, впрочем, приказу или просьбе любого другого мужчины...

Даня пошевелился.

Она отпрянула. Как быстро! Слишком быстро... Катя принялась одеваться, гоня из головы все лишнее. И когда генерал открыл глаза, она спокойно ответила на его безмолвный вопрос:

– Я сделала все необходимое. И... между нами все осталось на своих местах, Даня. Ты не стал моим мужчиной, я не стала твоей женщиной. А теперь отвернись-ка, дружок, мне еще надо натянуть последние шмотки.

Глава 9

Тайная угроза

– ...Это последняя банка, – сообщила Катя, рассыпая кофе по кружкам.

Даня сидел за столом, уплетая черствый хлеб с сыром. Немо с хрустом грыз фиолетовую луковицу, не роняя слез и никак не выказывая намерения запить убийственный харч. Тэйки выскребывала «бомбу» – старого армейского образца банку с гречневой кашей, кое-где украшенной тоненькими ниточками говядины.

– И еще: у нас давно не было масла и сахара... если вы, конечно, раньше не заметили, – добавила Катя.

– Агитируешь за то, чтобы влезть в костедробилку? Слабоват аргументик, – едко ответила ей Тэйки.

– Душа моя, – необыкновенно сухо принялась возражать Катя, – у нас еще очень много чего *не в избытке*. Перечислить?

Очень редко в ее голосе бывало столько металлических нот. Немо вздрогнул.

– Не ссорьтесь, девочки! – вмешался генерал. – Сегодня мы начнем с другого.

Не давая им обеим времени на реплику, хотя бы еще одну злую и совсем не нужную сейчас реплику, Даня продолжил:

– Спасибо вам всем, вытащили меня, идиота, с того света. Век не забуду...

Тэйки презрительно хмыкнула, но генерал не обратил на это внимания.

– Немо говорит, что охотились на меня верные защитники, а не какая-то вонючая шантрапа. Это так?

– Почвержаю... – промычал Немо с набитым ртом.

– Теперь я добавлю наблюдений: во-первых, они могли убить меня в самом начале, не раскрывая засады. У них был снайпер, и с такого расстояния не промазал бы даже младенец. Да, в конце они попробовали меня убить этой проклятой магической удавкой, но только тогда, когда им стало ясно: взять живым не удастся. Во-вторых, засаду они устроили исключительно грамотно...

Тэйки хмыкнула погромче.

– Ты чем-то недовольна, Тэйкемия? – исключительно вежливо осведомился генерал.

– Стрючок! Ты ж в нее, в засаду эту угодил. Ясно, будешь теперь нам рассказывать, до чего крутая она, и какие нехилые ребята тебя сторожили...

– Всё?

– Пока – да.

– Объясни-ка мне, милая барышня, сколько народу знало, что я пойду в монастырь? Допустим, каким маршрутом я туда отправлюсь, плевое дело высчитать. Но только при одном условии: если знать, откуда я двинусь.

Команда молчала. Даже Тэйки перестала жевать. Катя первой озвучила вопрос, замерший у всех на устах:

– Это что же? Они *там* знают, где мы живем? И в любой момент они...

– Нет, Катя. Убежище они до сих пор не выследили. Иначе брали бы нас прямо здесь. У них под землей еще лучше получается, чем на поверхности... зверушки, кстати, есть специальные... для таких случаев. Нет. Они *примерно* знают, где нас искать, куда мы можем направляться и по какому пути. Приблизительно. А сегодня они продвинулись на несколько сотен метров ближе к Убежищу...

– Уходим? – спросила Тэйки. Она преобразилась, услышав последние несколько фраз Дани. Ухмылка исчезла с ее лица. Изменился голос: из него пропали язвительные тона.

– Да, – честно ответил Даня, – и очень скоро.

– Жаль покидать хозяйство... Прижились. – заметила Катя.

– Если я скажу, что жить безо всякого хозяйства лучше, чем подохнуть на куче собственного скарба, я ведь ничего такого нового не скажу. Ты и сама все это прекрасно понимаешь, да? Она вздохнула.

– Да... Просто жалко все это... – Катя обвела рукой вокруг себя.

– Будем живы – раздобудем новое. Ты знаешь правило: *жизнь дороже дома*.

Катя промолчала.

– И еще один неприятный вывод: кто-то о нас разболтал, протек. Кто-то из клиентов, так надо понимать гримасу жизни... Вариантов два: мы в последнее время работали только с Секретным войском и Подземным кругом. Очень не хочется думать на первых, это ребята прямые, честные и смелые. Но похоже, что протек один из них: этой ночью я получил заказ от подземных, так чего ради они станут вламывать нас? А работенку заказали – о-о-о работеночка! И человека своего дают... В общем, вряд ли.

– Генерал... – тихо прервал его Немо.

– Да?

– Я не стал бы сбрасывать со счетов и подземных.

– Почему?

– Ты мою логику понимаешь от и до? Она для тебя прозрачна?

Даня усмехнулся.

– Не сказал бы.

– А все дело в том, что я не на сто процентов человек. Так вот, их логика нам тоже не очень понятна. Вернее, она понятна гораздо меньше, поскольку... поскольку... не знаю, как правильно сказать... Они там заигрались. Да.

– Еще дальше ушли от того, что называется «человек»?

– Вот! У тебя всегда получаются точные формулировки.

Даня почесал лоб и согласился:

– Принято. Со счетов не сбрасываем. Именно они, кстати, могли сообразить, что я отправлюсь в вольную зону.

– Такой заказ?

– Такой заказ.

– Но зачем? – осторожно задала вопрос Тэйки, – То есть, какого хрена?

– Зачем я им понадобился? Затем, чтобы добраться до всех вас. Всякого человека можно разговорить...

– Даня, не держи меня за семилетку безмозглую. Лучше скажи, нафиг *мы все* сдались хозяевам верных защитников?

Даня вскочил с лавки и принялся расхаживать по комнате, бормоча себе под нос:

– Во-от! Вот главный вопрос. Я и думаю об этом обо всем, но пока у меня одни догадки.

Гоблины наши команды не трогают. Так?

– Так! – хором ответили Тэйки и Катя.

– А почему?

– Мы для них мелковаты, – заметил Немо, – а у них сейчас хватает забот с Секретным войском, с подземными, да еще друг с другом. Не все любят кагана.

– Верно! Однако иногда они все-таки травят лучшие команды – самые большие и самые опасные. Ищут, загоняют и ликвидируют. Например, Кроху...

– Сравнил дулю с танком! – воскликнула Тэйки, – Да нас у Крохи было человек сорок, не меньше!

Даня повернулся к ней и с медовой улыбкой произнес:

– Любовь моя, откуда им знать, что нас тут не сорок человек?

Никто ему не смог возразить. Комната наполнилась тревожным молчанием. Даня опустился на лавку и сказал:

– Если вы не возражаете, я озвучу вывод: мы чуть-чуть заинтересовали кого-то очень серьезного, и теперь этот кто-то будет за нами охотиться днем и ночью. Надо срочно уходить из-под удара. Сутки. Ну, двое. Больше времени у нас нет.

Его собеседники по-прежнему молчали. Тогда Даня добавил:

– И еще. Они боятся, что команды когда-нибудь объединятся и станут настоящей силой. Они не понимают нас. Мы – новые люди, для нас старый мир ничего не значит, наш мир – война. Мне кажется, они побаиваются нас. Поэтому выбивают всех, от кого пахнет лидерством. Гордитесь, балбесы! Нас будут убивать от страха быть убитыми.

Его слушали внимательно. Его слушали почтительно. Даже Тэйки.

– Катя, у нас чай остался?

– Этого добра хватает.

– Завари-ка нам всем, если тебе не трудно. Сделаем перерывчик.

Глава 10

Заказ

...Даня первым отставил от себя кружку. Посмотрел на своих людей. Наверное, сейчас Тэйки скажет: «Задрал! Не томи, Даня...» А Катя сделает бровями изысканно тонкое движение, означающее: «Грубо сказано, да, но по сути – правильно».

Катя сказала:

– Может, мы опять приступим к делу?

И Тэйки покачала головой, поджала губы и сделала бровями хулиганское движение, общий смысл которого сводился к одному слову: «Задрал!»

– Ладно, – откликнулся генерал, – Начнем. Подземные заказали спеленать и доставить к ним гоблинского мага.

– Т-ш-ш-ш-ш-ш... – хотела было присвистнуть Тэйки, да язык сорвался. – Я еще хочу жить. Тебе хотя бы раз, один, твою мать, единственный, Даня, бл..., раз приходилось убивать гоблинского мага? Даже, блин, самого завалищего, даже блин, полудохлого?

– Нет.

– А тебе, мадам?

– Один раз было очень похоже, что я его убила, но...

Вся группа в изумлении уставилась на тихоню-Катю.

– Наверное, мы о тебе чего-то не знаем, мадам...

– Наверное.

Тэйки с трудом запретила себе дальнейшие расспросы. Катя – мягкая, вежливая, но если чего-нибудь не хочет сказать или сделать, то не скажет и не сделает, хоть ты ее режь.

– Немо?

– Нет, Тэйки, по ликвидации магов я не спец.

– Генерал, я лезла за тобой в самое пекло. Но только не на верную смерть. Труп мага им понадобился! И они нашли гребаных камикадзе раздобыть им такую мелочь!

Даня недобро ухмылялся.

– Вы, ребята, еще не все поняли. Труп им ни к чему. Им нужен пристукнутый маленько, но в целом живехонький и здоровехонький маг.

Троица посмотрела на своего боевого командира как на деревянную колоду. Собрал их парень и, видно, хотел сказать что-то важное, но тут у него отшибло память и здравое понимание, поскольку вместо важного он с апломбом заявил: «Хочу пи-пи!»

– Ты сбрендил, – спокойно резюмировала Тэйки.

– А теперь скажи мне, почему это я сбрендил? Поверьте, у меня сначала была точная такая же реакция. А потом... В общем, Тэйки, давай-ка, докажи.

– Да ни у кого никогда ни при каких обстоятельствах этого не получалось...

– Какого рожна! – перебил ее Даня, – а кто вообще пробовал?!

– Да ты совсем не соображаешь, генералишка? На них с танками, вертолетами, целые армии, спецназ еще тогда был, а не такие недоноски, как мы.

– Ты видела тот спецназ?

– Да мне понарасказали.

– А я видел! В детстве. Дерьмо был тот спецназ. Рыбы полудохлые по сравнению с нами.

– Хрен с тобой. А ты знаешь, сколько народу положили сами подземные на это дело? В том числе собственных магов?

Даня скорчил рожу на манер «кило презрения».

– Тэйки, их маги – одно сплошное недоразумение. Знаешь, есть древняя рыцарская баллада: «Сделать хотел лозу, а получил козу, розовую козу с желтой полосой...» Так это о них.

Немо, глядя в сторону, тихо произнес:

– Положим, не обо всех...

Катя взяла его за руку и, улыбаясь, возразила:

– Немо... есть у нас кое-что. Но, по правде говоря, Земля – слишком доброе и правильное место... было... чтоб у нас водилась настоящая матерая магия. А теперь и земля обессилила, и люди. Представь себе мир, где в течение нескольких тысяч лет все было пронизано местью, злобой и мятежом. Представил? Вот там – да, там палку в землю ткни, и на ней через неделю магические яблоки вырастут. И то сказать, нам досталась самая мягкая и благополучная часть этого кошмара... Вот и сравни: наши подземные всего-то лет двадцать магию по капли выдавливают, в начальных классах магической школы сидят, и – *они*, маги по рождению и предназначению.

Немо не согласился:

– Во-первых, не настолько доброе тут место и не настолько правильное. Во-вторых, Круг существует двадцать один год *легально*. А сколько он до того...

– Хватит, – велел Даня, – хватит! Все вы знаете, кого к нам посылают на поддержку эти огрызки из-под земли. Я бы им гвоздь забить не доверил, а не то что на гоблинского мастера охотиться! Мало ли, может у них там полно крутых, но крутые сюда не вылезают и в драку не спешат. Вот и весь сказ.

Тэйки состроила ядовитую гримасу и начала говорить вдохновенно, захватываяюще:

– Милый, счастье мое, сладенький леденчик, салютик многоцветный... Да толку-то в спецназе, в подземных болванах? Никакого толку, допустим. Совершенно. Плюнуть и растереть, Даня, кто с тобой спорит? Ничуть никто не пытается. Правда, помню я, как один единственный гоблинский маг, и даже не маг, а мажонок какой-то, щенок мелкокостный, в 52-м уложил всю команду Вепря. Девять бойцов. А полгода назад тройка генеральши Бубновой нарвалась так, что праха не собрали. И, да, кстати, вот еще... чуть не забыла: Немо с Катей тоже не птичка пометила, а Кроха не от насморка кони двинул. Ой, вот еще примерчик...

И Тэйки выложила восемь историй о добрых командах, погибших или пострадавших от гоблинских магов. По всему выходило: команды – не та сила, которая способна поколебать магическую власть кагана; им бы сидеть тихо и не ввязываться в большую драку.

Когда она закончила чтение реестра, Катя сделала бровью то самое изысканно тонкое движение, которого ждал от нее генерал в самом начале. Не трудно было понять его значение: «Кажется, дело кончено. О чем тут еще говорить?» Немо одобрительно качал головой, пока Тэйки объясняла, что дважды два не равняется корню квадратному из драной телогрейки, а потом произнес:

– Вот это – серьезный аргумент.

– Точно, – подтвердил Даня, – смерть наших братьев это аргумент серьезней некуда...

И генерал спокойным голосом, ничуть не смутившись, поведал еще семь историй про команды, разбитые и ликвидированные магами врага. А напоследок добавил:

– Чтоб вам совсем полегчало, скажу: из пятнадцати команд – а их пятнадцать, посчитали, да? – тринадцать гробанулись по собственному желанию. Гоблины их не трогали. Понятно? Гоблинам они были – тьфу! Вошки на ушке. Не полезли бы сами бесу в рот, были бы живы. Как дедки из Секретного войска говорят, «понесли неоправданные потери на почве собственной избыточной активности».

Катя и Тэйки смотрели на него совершенно одинаково. Мол, башковитый ты, конечно, парень, только вот как ты нас после всего этого на дело разведешь, мы в упор не понимаем. Но они молчали, а высказался Немо:

– Не понимаю. Удивительный момент! Уже не первый раз так.

– Что, парень? – спросил Даня.

– Я с каждой секундой все отчетливей и отчетливей чувствую, что ты нас уговоришь, генерал, но даже представить себе не могу, по какому маршруту пойдет твоя логика... Ты, наверное, держишь козырь в рукаве?

– Не без того.

Тэйки недобро покосилась на генерала:

– Знаешь, простого козыря будет маловато, чтоб, к примеру, меня уболтать. Понадобится целый джокер.

Даня ответил твердо:

– Будет вам джокер. Я просто хотел чтобы все вы, камрады, поняли: я знаю куда мы сеемся и на какую гниль подписываемся.

Тэйки, не меняя скептического выражения лица, сказала:

– Убедились. Аж по самую шею. Продолжай.

– Ладно, вот мои козыри. Во-первых, нам обещали столько всего, что на переезд хватит, и еще на новом месте месяца два проживем, как короли...

– Это аргумент нулевой ценности, генерал, – тихо возразил Немо, – разве не сам ты говорил нами: «Жизнь дороже дома!» Тем более она дороже вещичек, оружия и еды.

– Не с той карты пошел, Даня, – подвела итог Тэйки.

Но генерал хладнокровно продолжил, не обратив на шипение соратницы ни малейшего внимания. Именно это, кстати, бесило Тэйки больше всего.

– Все верно, но лучше уходить с хабаром, чем на голяк. А теперь главное. Почему гоблинские маги разделали пятнадцать наших групп как бог черепаху? Не такие уж они страшные бойцы, и кровушку их бурую многие ребята из Секретного войска видели... особенно когда у людей было побольше сил. Когда Нью-Йорк штурмовали, говорят, это отродье пачками клали... В чем уловка? Я подумал хорошенько и понял.

Даня победно обвел взглядом свою команду.

– Спору нет, их маги – очень серьезные бойцы. Они-то по большому счету, все у наших предков и раскурочили. Но только вы вспомните, камрады, хоть раз, хоть один единственный раз, кто-нибудь дрался с одним гоблинским магом? Ну?

Тэйки откликнулась сразу:

– Нападали раз на одного. Еще при Крохе... И караван их один раз стерег как раз маг, а не шелупонь какая-нибудь... Но чуть драка началась, и тут же второй появился. Моментом! А потом еще и третий. От трех мы уносились сломя голову. И когда караван – тоже второй сразу тому помог... А против двух – тяжело-о...

Немо покачал головой:

– В моей памяти таких случаев нет. Бой приходилось вести минимум с тремя магами.

Катя, будто припоминая что-то, прикоснулась указательным пальцем ко лбу и затрясла им в воздухе:

– Ну конечно! Я вспомнила теперь... Если бы ты спросил, Даня, я бы тебе рассказала... наверное... У них тактика такая... Как же... Вот: «В сети нет единственного звена, а значит, в сети нет слабого звена»...

Даня похлопал Катю по плечу:

– На то у человека голова мозгами и набита, чтоб самому кое до чего додумываться. Катя! До сети я давно додумался. Специально наблюдал за ними... И такой сети, как раньше, у гоблинов больше нет: силенки не те. Нити отдельные – да, а сеть, как три года назад, – шиш, нету. И значит, если вдарить по одному звену, а соседние два как следует занять другой работенкой, на помощь ему никто не придет. Если кому не ясно, сейчас все будет в подробностях...

Он включил единственный их компьютер, старенький и фурычивший из последних сил. Вывел на экран карту московского Юга. Увеличил район Конькова-Беляева и ткнул пальцем в неприметную точку.

– Вот здесь мы...

Глава 11

Прощание с домом

В сумерках команда покидала Убежище. Только собрав все, что можно увезти, и оставив на месте в три раза больше, генерал Даня и его люди поняли, как богато они жили. Наверное, богаче всех известных им команд. Им едва удалось распахать по трем машинам оружие, боеприпасы, боевые магические причиндалы всех сортов, лекарства, еду, одежду, одеяла, прочую бытовую дребедень, канистры с солярой и бензином.

Даня, красный и раздраженный, упиав последнюю рухлядишку, зло сказал:

– Не боевая команда, бл... , а вшивая сельская ярмарка.

Катя подошла к нему с вопросом:

– Ты уверен, что сюда мы уже не вернемся?

– Уверен.

– Я так спрашиваю, потому что хочу отдать барахло – ну, все оставшееся – Рытовой. Пусть забирают. Они в последнее время совсем отошали, не везет ребятам...

– Добро.

Катя вынула токер и отвернулась. Она отошла подальше, включила токер и... не смогла произнести ни слова. Словно челюсть заклинило. На том конце ленивый хрипчатый голос генеральши Рытовой лепил обычные для такого случая вопросы: кто? да кто, мать-перемать? какого хрена молчим?

Она вырубилась токер. Руки стряслись, слезы просились наружу, и Катя останавливала их, закусив губу. Первый раз она почувствовала, какую пропасть вырыла между нею и остальными разница в возрасте. Они были другими, они – как ветер в поле, легкие, быстрые, не привязанные ни к чему, кроме друг друга. А она еще помнит, что такое дом. Какое это теплое и родное существо – дом, как он принимает тебя в свои объятия, как он баюкает тебя. С тех пор, как они нашли Убежище и сделали его своей базой, ребята *оборудовали* помещения, а она – *обживала*. Холодное, неудобное, чужое место, но Катя сама не заметила, как приросла к нему сердцем. А теперь придется отодрать с мясом. И никто из них не понимает. Хорошие, умные, а главное, *свои* ребята, но...

На плечо ей опустилась рука. Катя вздрогнула, но не стала оборачиваться.

– Даня, ты?

В ответ зазвучал тихий голос Немо:

– Не огорчайся, Катя. Будет тебе новый дом. Мы не звери, мы не можем жить в чистом поле...

Она благодарно сжала ладонь Немо.

– Все. Все, парень. Сейчас я приду в себя.

Хоть кто-то!

Когда Немо отошел, она опять вызвала Рытову.

– Женька, у нас тут есть кое-что для тебя. Подъезжай, поживишься первой... – и она объяснила ситуацию. Рытова отвечала: так мол и так, сейчас мы заняты, а вот под утро...

– Мы все оставим открытым. Давай-ка поспеши, а иначе к нам забредут другие гости.

Закончив разговор с генеральшей, Катя хотела было раскокать токер о ближайший булыжник, но потом успокоилась. В конце концов, Даня прав: *жизнь дороже дома*. Будет жить команда, будет у нее и новое жилище.

Люди Дани богато жили не только по части пищи, оружия и барахла. Их гараж вызывал зависть у всего московского Юга. Там было аж четыре машины, и столько их не было ни у кого.

Во-первых, бронированная легковушка с сидениями, которые можно было соединить в одно большую, ровную и очень мягкую платформу, предназначенную для... в общем, один

раз с Даниного разрешения Тэйки воспользовалась. Полтора года назад. С парнем из команды Сопли. Увидела его в полдень, поняла, что влюблена, в сумерках, провела с ним вдвоем всю ночь напролет в салоне легковушки, наутро вылезла счастливой, через час поссорилась с парнем и набила ему морду, а в полдень узнала, что он погиб и расплакалась... Конструкторы упихали в эту машину немерено электроники, каковую выдрал умелец-Гвоздь, решив пустить все изъятые фитюльки, игрушки и примочки на серьезное дело. Машина называлась «Мерседес», и ее Даня решил оставить за ненадобностью. Никто в команде не испытал по этому поводу сожаления. Даже Тэйки махнула рукой:

– Фигня. Тесно там, особо не распрыгаеся.

Во-вторых, команда располагала великой и несокрушимой машиной по имени Гэтээс, иными словами, Гусеничный Тягач Средний. Про него Катя рассказывала легенды: «Это же... Это же классика, это стиль, это чудовище военной индустрии! Его надо уважать, его надо любить! Его сконструировали еще в прошлом веке, а последний раз модернизировали в год моего рождения, и никто – слышите – никто, ни одна тупая образина не собиралась отказываться от этой бульдожки!» Гэтээс и впрямь походил на бульдога – низкорослый и тупорылый, он исполнен был уродливой армейской мощи. Катя души в нем не чаяла. Добавить к этакому совершенству было нечего, разве что увешать его артефактами, загруженными наступательной магией на полную катушку...

В-третьих, еще один гусеничный монстр, но совершенно штатский по происхождению. Вездеход «Бобер-2020», разработанный когда-то российскими провинциальными умельцами и по внешнему виду своему страшно неуклюжий, нелепый, страхолюдный, зато исключительно вместительный. Догадались когда-то люди приторочить к гусеничной ходовой части закрытый кузов от микроавтобуса «Соболь», а потом другие люди догадались вырезать спереди изрядный кусок этого кузова и установить там сдвоенный пулемет калибром 12,7 мм на самодельной турели. Отличная получилась вещь, но Катя, главный эксперт группы по всему, на чем можно ездить, предостерегла: «Бронировать нельзя, выйдет из строя за неделю. На большой скорости поворачивать нельзя – опрокинется. Таранить стены и столбы, как ты, Тэйки, любишь, нельзя – заглохнет. А так... ничего гусянка».

В-четвертых, еще от времен Крохи остался армейский «газик». Гвоздь, покопавшись, выбросил из него все навороты 20-х и 30-х годов, объяснив это тем, что основа у машины честная и приличная, но она – еще от XX века, так пусть же она одна и останется. Потом к нему присоединилась Катя, и они вместе с Гвоздем, перебрав металлические потроха объявили: «Основа – тоже говно». Теперь на «газике» стоял мотор не от «газика», коробка скоростей не от «газика», бензонасос не от «газика», покрышки не от «газика», приборная панель совсем не от «газика», автопилот и следящее устройство – гибрид магии и радиоэлектроники – совершенно не от «газика», малые управляемые ракеты класса «земля-земля» в количестве четырех штук абсолютно не от газика, управляемая ракета класса «земля-воздух» до такой степени не от «газика», что дальше просто некуда... А еще милый старый автомобильчик научился развивать скорость под двести километров в час. Правда, Катя предупредила: «Ненадолго. Иначе он просто развалится»...

– Ну, отлично, – сказал Даня сразу после слов о вшивой сельской ярмарке. – До встречи с парнем от Подземного круга еще два часа. Мы должны заехать к Гвоздю, но это на пять минут... Желающие могут стогнать на «газике» к себе домой и забрать вещички. Только быстро. Одна нога здесь, другая там.

Он выразительно посмотрел на Тэйки и Немо. Последний ответил:

– Я не оставил там ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться...

По правде говоря, Немо не оставил там ничего, кроме запасной кружки, зубной щетки и кое-какой одежды. Он бы давно переселился в Убежище, но не хотел пугать нормальных людей тем, до какой степени ему *ничего* не нужно... Кроме них самих. Если он будет постоянно

жить рядом с ними, то они, наверное, в конце концов свихнутся от его странностей. Если он уйдет и станет жить в одиночестве, то обязательно свихнется сам. Команда ему напоминала, за что надо держаться, если хочешь остаться человеком... Немо по-своему любил Убежище, но он умел выделять с температурой собственного тела много разных аттракционов, да и сна ему требовалось раза в три меньше, чем остальным, поэтому его совсем не волновало, в каком месте он сам себе скажет: “Спокойной ночи”. Тем легче он попрощался и с Убежищем, и со своей берлогой в тире: *«Жизнь дороже дома...»*

Но это Немо. А Тэйки, ни слова не говоря, живо запрыгнула в газик, со скрежетом развернулась на пяточке и газанула.

Катя скептически посмотрела ей вслед:

– Ну почему она относится к технике как отъявленный садист?

Глава 12

Звезды Тэйкемии

Тэйки тоже не оставила в Пещере Красного Дракона ничего такого, о чем стоило бы жалеть и ради чего стоило бы возвращаться. Просто ей нужно было побыть одной.

Тэйки хватило на дорогу нескольких минут. Она легла на высокое ложе лицом кверху, раскинула руки и почувствовала себя самой настоящей жертвой, которую только что полоснули ножом. Слезы, не спрашивая разрешения, сами полились из глаз.

«Какого фига? Зачем он мне нужен?! Несчастный идиот, любитель старух, немощь бледная... Никогда, никогда, никогда я не прикоснусь к нему, хоть бы он умолял меня и встал на колени! Он еще поймет, от чего отказался, он еще сам придет и попросит ее об этом, но только – шиш ему! Ни за что. Даже ради спасения его жизни, как сегодня. Даже ради спасения моей несчастной кретинской жизни! Хрена лысого!»

А слезы текли и текли. Тэйки закрыла глаза.

«Вот бы умереть прямо сейчас, и посмотреть, как он пожалеет, как он сам слезами обольется!» При Дане, выбравшем эту козу Катьку, при самой Катьке и даже при Немо она не могла позволить себе истерику. Полдня пришлось сдерживаться.

Всю эту соленую жидкость, нервные мысли и рыдания, крупно колотившие худенькое тело Тэйки, прекратил ее внутренний будильник.

Баста. Пора уходить. Сопли соплями, а команда командой. Следовало привести себя в порядок и поторопиться.

Тэйки умылась, собрала кое-какую мелочь, особенно из охранной электроники. Прихватила магические бусы. Еще у нее был припасен прозрачный цилиндр гоблинского пала, правда, поизрасходованный, силы в нем оставалось всего на один огненный «плевок». Собравшись уходить, она повернулась к жилищу, поклонилась ему и хотела было сказать что-нибудь умиротворяющее. «Прощай, я тебе благодарна за все...» Или: «Не скучай без меня!» Но взгляд ее остановился на звездном потолке, и тогда Тэйки выхватила цилиндр, направила его вверх растробом и провыла на чужом языке отпирающее заклинание.

Когда огонь ударил в потолок, она заорала во весь голос:

– Мои звезды не достанутся никому!!!

Вернулась она совершенно спокойной.

Глава 13

Ночной марш

– Наведаемся к Гвоздю, – сказал Даня, – Катерина, командуй.

День прошел под знаком генерала Дани, но вечером владела Катя, главный специалист команды по транспорту.

– Мы с тобой в Гэтээсе. Немо поведет «Бобра», потому что кроме меня только он способен ездить на этом монстре достаточно быстро и не опрокидываться. Тэйки замыкает на «газике». Дистанция – пятьдесят метров, иначе либо начнем таранить друг друга, либо потеемся в темноте. Я буду связываться с вами через каждые десять минут.

Тэйки вскинулась:

– Мадам, пусти вперед, я же истоскуюсь плестись в хвосте, я же с ума сойду! Нужна я вам сумасшедшая?

– Тэйки, милая, ты помнишь, сколько народу работало месяц назад гоблинский караван у Немчиновки?

– Ну, вы трое... – ответила Тэйки, опустив глаза.

– А почему «вы трое», а не «мы четверо»?

– Да сколько можно вспоминать? Давно прошло и былшем поросло!

– А потому, – спокойно продолжила Катя, – что кое-кого дернула нечистая проехаться с ветерком, а токер свой этот кто-то...

– Да вот он, токер мой! Зацени.

– Тэйки, тогда он у тебя тоже в самом начале был цел и невредим.

– Тьфу на вас... ладно. – И она полезла в «газик»

Катя и Даня забрались в Гэтээс. Она любовно погладила приборную панель.

– Перекрестись.

– Зачем, Катя?

– Смысла не помню, но меня это успокаивает.

Генерал выполнил ее просьбу. Тогда Катя поцеловала серебряное колечко и вполголоса произнесла короткую фразу на гоблинском.

– Давно хотел тебя спросить, что ты себе под нос лепечешь, всякий раз как мы на дело отправляемся?

– Даня, это ругательство. Очень злое, очень тупое, очень оскорбительное и в точное переводе совершенно бессмысленное для нас, людей.

– А какого рожна ты его...

– Оно меня тоже успокаивает. – Перебила Катя. – А теперь... Готовы?

– Есть готовность, – откликнулся Немо.

– Пока вы там возились, я трусики постирать успела... – деловито сообщила Тэйки.

– Прогрев!

И Гэтээс, большое стальное чудовище заревел, завыл, загрохотал и харкнул вонючим выхлопом. Катя захохотала, перекрывая басовитый рык машины. Мало какие мгновения доставляли ей большее удовольствие...

– Ты слышишь этот рокот, Даня? Ты его слышишь? Вот голос настоящего мужчины! Каррамба!

И генерал, заражаясь ее куражом, крикнул:

– Давай, Катя! Покажи класс!

– Тэйки, Немо, трогаем!

Она презирала первую и вторую скорость, она умела заставить эту махину бегать марафоны на спринтерской скорости! Тягач, громоподобным ревом вызывая на бой весь мир,

понесся, раскачиваясь вперед и назад, по завалам, которые когда-то назывались проспектом Слононосова... или как-то так.

Две тяжелые машины расчищали хрупкому «газику» проезд. Водителей, а вместе с ними и генерала, трясло нещадно. Гэтээс, как корабль на высокой волне, то преодолевал гребни холмов из строительного мусора, то опускался в долины между ними, но не снижал скорости. «Бобр» едва поспевал за ним.

– Даня, ты знаешь, чем ограничена маневренность этой махины?

– Ну?

– Прочностью наших задниц!

Генерал тем временем включил систему наблюдения. Конечно, прежний, фабричный Гэтээс такой системой по определению не мог быть оборудован, и здесь тоже не обошлось без умелых ручек Гвоздя. Прямо перед Даней на экране открылась карта всего района. Ее команда каждую неделю изменяла, дополняла, всячески холила и лелеяла; проезды, отмеченные на ней, не соответствовали старой, довоенной сетке улиц, большинство из них проложили гораздо позже, сквозь руины; проходы, зараженные радиацией или неблагоприятные в магическом смысле, тайные тропы, лазы и убежища указаны были с необыкновенной скрупулезностью. Здесь жила тихая семья упырей, существ практически безобидных, по сравнению с большинством гостей из провинции Багнадоф. Тут окопалась команда Сопли, те же четыре человека, но два из них – совсем малолетки. А тут обитает старая Мангахш-охотница-за-обликами, и ее можно не опасаться, если не соваться прямо в нору и не пытаться отбить добычу. Там – вход в шахту Секретного войска, кажется, единственный в Москве, других просто не сохранилось так близко к сердцу Каганата Раш... Многие считали, что в этой шахте обретается великая тайна и великая сила, может быть, именно там куется грядущая победа людей над гоблинским воинством, однако Данина команда точно знала: внизу засели три офицера-перестарка, обитают на огромном складе и огромной лаборатории, но боятся лишний раз нос высунуть наружу. Ни тайны, ни силы... Кое-какие силенки у «секретников» есть, да, но они тихо и мирно живут на перегоне между двумя бывшими станциями метро – «Сходненской» и «Планерной»... Дальше к границе зоны – поле гоблинских ловушек, простроченное двумя «бродами», о которых умные люди лишний раз болтать не станут. Это по-настоящему опасное место, там гробанулось несколько бродячих банд и даже маленький разведотряд Секретного войска.

Даня покачал головой, углубившись в размышления о «секретчиках». Старая, некогда грозная организация людей. И люди вроде бы хорошие, открытые, незлые. Но очень уж слабые при всем том. Их сознание закорено в прошлом, во временах ими самими не прожитых, а переданных по наследству старшими. Когда-то правительства нескольких могущественных стран решили объединить усилия; для этого понадобилось, чтобы гоблинские дружины захватили их столицы и привели их вооруженные силы на грань полного уничтожения... «Секретники» поставили на «чудо-оружие», разрабатывавшееся в подземных городах и сумели нанести гоблинам изрядный урон... но не победили. «Секретники» много говорили о том, что такое человек, и до какой степени внутренняя его суть зависит от телесного устройства, культуры, этики, а значит, не стоит даже в малой степени уподобляться злой нечисти, пролезшей в мир людей. И только политика полной изоляции помогла им сохранить себя. Но не победить, не победить... Даня очень хорошо знал: нынешнее Секретное войско представляет собой ошметки от прежнего.

– Все сто-о-о-о-о-п! – услышал он вопль Немо.

Хрясь! – где ж тут лоб убережь, когда у Кати срабатывает рефлекс: «Тормозить любой ценой!» Очень, кстати, полезный и правильный рефлекс. Дрын-дын-дын! взвыл бампер «газика».

– Тэйки, ты жива?

– Не дождешься!

– Машина?

В ответ Даня услышал здоровый рев мотора, заводящегося с полпинка.

– Немо?

– Н-не знаю... генерал. Дом справа по борту на два часа. Дистанция – двести два метра. Н-не знаю.

Даня пригляделся к электронной карте. Ничего. Дом как дом. До странности целый, да и всё. Бывший пятый по бывшему Слононосовскому проспекту.

– Что ты там видишь?

– Н-не понимаю... – изменившимся голосом ответил Немо. – Опасно. Там очень опасно, и рядом с ним – тоже. Считаю улицу и воронку напротив. Прохода нет, генерал.

– Катя, дополнительное освещение...

Вглядываясь в черные амбразуры окон, Даня так и не заметил ничего подозрительного. Но странная интуиция Немо уже не раз отводила от команды крупные неприятности. Не стоит лезть на рожон... Даже тогда, когда самого рожна не видно.

– Всем: сворачиваем направо, проход номер восемь...

Катя, лишних вопросов не задавая, развернула тягач. Остальные, лишних вопросов не задавая, последовали за головной машиной.

Восьмой проход беспорядочно петлял между развалинами, провалами, воронками, островами сожженных БТР'ов и рошицами Синея Ромашки, совершенно безопасной, но имевшей обыкновение, прижившись, за пару лет вымахивать из цветочка полевого в настоящее дерево с корабельную сосну ростом. Наконец, они выехали из каменного хаоса на улицу Вавилова – действительно сохранившую обличие улицы. Когда-то тут были трамвайные рельсы, потом нечто вырвало их, оставив лишь маленький отрезок метров на сто – до поворота на улицу Панферова, от которой вообще ничего не осталось, только пустырь со страшным уровнем радиации. В начале трамвайной стометровки та же чудовищная сила оставила след своеобразного чувства юмора: две стальных полосы были выдраны из мостовой и завязаны кокетливым бантиком. Чуть поодаль стоял Вечный Трамвай. Кто и зачем пустил его в рейс по сражающейся Москве две тысячи сорок первого года? На этот вопрос ни сам Даня, ни кто-либо из его четверки ответить не мог. Да не очень-то и пытались... Ну, трамвай совершенно новый, без единой царапины, ну, пустой, – а каким ему еще быть? – ну, горят там все лампочки и вдобавок фары днем и ночью, ну, двери открыты, ну, не берет его ни пуля, ни танковый снаряд, ни единое магическое заклинание из пары дюжин, опробованных разными придурками ради чистого озорства, ну, сдвигается он в год примерно на полметра в сторону поворота, ну, бегают по нему без конца искорки мощного магического поля... Ну и хрен бы с ним. Есть диковины подиковиннее. А вот соваться внутрь не надо, да и вообще на расстояние вытянутой руки не подходить, чтобы не схлопотать гарантированно смертельный заряд магии, – об этом помнили все четверо.

Только они миновали Вечный Трамвай, как прямо перед ними на сумасшедшей скорости проскочила перекресток громада БРДМ – боевой разведывательно-десантной машины российской сборки.

– Митяй, стало быть, на дело вышел. У него, вроде, бээрдээм в хозяйстве был... – заметил Даня.

– Точно он, – ответила Катя, прикуривая. – Больше никто раздобыть не смог.

Ожил токер Дани:

– Живи дольше сегодня...

– И ты живи дольше, генерал, – ответил Митяю Даня.

– Все по плану?

– Чего мы все стоим без хорошего плана, Митяй?

Из токера донесся хриплый смех.

– Ну бывай...

Катя промолчала, Немо, конечно, тоже промолчал, зато Тэйки сразу вышла на связь:

– О каком это плане ты тут болтал с Митяем?

– Успокойся. Это он, наверное, какую-то модную фразочку ввернул. Я сам не врубился.

– А-а-а. М-м. – в междометиях Тэйки слышалось одновременно разочарование и подозрение, но расспросы продолжать она не пожелала.

Маленькая колонна проехала перекресток, и тут Даня закричал:

– Тормози, етитт! Тормози!

Гэтээс встал, как вкопанный. «Бобер» остановился секундой позже.

Р-р-р-бды-щ-щ! – Долбанул бампер «газика» в корму «Бобра». Токеры разразились матюками. Катя не выдержала:

– Просто держи дистанцию, Тэйки!

– Да держу я, мать его... Почему стоим?

Генерал пояснил всем:

– М-детектор распознал четыре магических якоря дальше по улице. Я их сейчас вижу на экране так же ясно, как ваши морды через стол с харчами. Свеженькие, аж искрят. Приклеило бы намертво... Приготовьтесь, сейчас явятся их хозяева.

– Ты их видишь, Даня?

– Да вот они, Катя, влево на одиннадцать часов. Восемь шакалов, инфракрасный локатор ясно показывает.

– Так чего ты ждешь?

– Эти дурни сейчас встанут покучнее... Ага, молодцы. Люди. Автоматы. Пулемет. «Плащ Тени». Бабука.

Темнота расцвела вспышками автоматной пальбы. Злую автоматную трескотню перекрыл басистый рокот пулемета. Пули зацвиркали по гэтээсовской броне. Катя подумала, до чего же это была хорошая идея – обрядить тягач в легкобронный наряд...

– Всем закрыть глаза, Изумрудная Дымка! – приказал Даня. – Топлю кнопку.

И никто из команды не увидел, как на боковой подвеске Гэтээса пыхнул бенгальский огонь, и не огонь даже, а легонький огонек, над колонной взлетела маленькая несерьезная штучка, пестрый цилиндрик, больше всего похожий на карнавальную хлопушку – Катя один раз сказала, она-то видела настоящие карнавальные хлопушки, – на высоте двух человеческих ростов штучка пыхнула еще разок, и по всей улице разлилось легкое зеленоватое сияние. Оно продержалось не более десяти секунд, а затем цилиндрик растаял в веселом фейерверке.

– Можете отпереть глаза. Трогай Катя, мимо якорей – вот так и так.

Когда колонна проезжала мимо кучки нападающих, они ползали, выли, бились в истерике, пытались выдирать себе глаза, чтобы хоть так унять вспыхнувшую в них боль. По лицам текли слезы.

– Москва слезам не верит... – хладнокровно прокомментировал Даня. – Кажется, так говорили бояре Леонида Брежнева.

– Эх ты! Чему я вас только учила!

– Что, бояре были у Владимира Ленина?

Катя кисло улыбнулась.

– Я тебе потом объясню. Завтра. Долгий это разговор. Лучше скажи, думаешь, залетная команда? Гости дорогие?

– Да никакая это не команда, Катя. От команды мы бы просто так не ушли. Команда это значит – серьезные люди.

– Тогда – кто?

– Это сельские бродяги, отребье. На фермах работать не хотят, в Секретное войско не идут, сами нормальную жизнь наладить не могут. Вот и пришли в город, думают, тут кренделя на каждом столбе развешаны, а у лохов полна мошна консервных банок... Не знают или знать не хотят, что в городах давно все сожрали, теперь только тем и кормимся, что с ферм приходит или с аграрных заводиков.

Катя помолчала, раздумывая, ни лишним ли будет очередной вопрос, но потом все-таки задала его:

– Даня, это была боевая или предупредительная?

– Всех готова пожалеть? – Даня рассмеялся. – Знаю тебя.

– И все-таки, Даня, я считаю, не нужно лишних...

– Да предупредительная, предупредительная, ты ведь тоже меня знаешь, могла бы и не спрашивать. Через час-другой расчихаются и зрячими отсюда уйдут... если, конечно, не полные дураки и усвоили, что почем в столице нашей родины.

– Что-то беспокойно мы сегодня едем...

– Нормально. Меня только одна вещь беспокоит всерьез. Почему Немо не предупредил нас о засаде?

Катя удивленно подняла брови.

– А ведь и правда. Я сразу как-то не подумала, Даня...

– Ладно, сейчас узнаем.

И генерал вызвал Немо. Тот ответил не сразу и как-то неуверенно:

– Да.

– Проморгал засаду-то, мистер Жестянкин?

– Да-а...

– А какого рожна? Немо, ты, вообще, как? Не ранен? Ты в порядке?

– Да-а... Просто... у меня... циклоида... в нижней позиции...

В этот момент Даня подумал: может, стоит остановить колонну? Может, вообще стоит ее развернуть, да послать операцию подальше? Обидно, конечно, слов нет, и проблем будет до едрили фени, но если Немо рехнулся, то это куда как серьезнее.

– Генерал... не... беспокойся... ты... да... это... бывает... редко... очень... но...

Немо бормотал тихо и слова выговаривал как будто с трудом. Вдруг голос его изменился и стал прежним – будто кто-то передернул затвор в его голове и дослал патрон в патронник: клац-клац и парень готов к бою!

– Все. Генерал, я пребывал в наименее боеспособном состоянии сознания. Мой разум на четыре пятых отставал от текущей реальности на две минуты. Я мог вести машину, стрелять и воспринимать приказы, но ничего более сложного. Ближайшее будущее было от меня закрыто.

– Старик, нам сегодня понадобится сто процентов твоих мыслительных способностей. Уверен, что сбоев больше не будет?

– Уверен, генерал. У меня так бывает раз в три месяца, и раньше я удачно подгадывал приближение... нижней позиции... на время, когда у нас не случилось ничего важного.

– Полагаюсь на тебя. Смотри!

Ночная Москва проплывала мимо колонны. Страшная, истерзанная войной, изнасилованная чужаками и едва-едва обласканная любовью немногочисленных своих, она каким-то чудом сохранила остатки прежнего величия. Некоторые дома, пустые, с выбитыми стеклами, оскаленными пастями подъездов, стылые, заваленные хламом, который уже никому не нужен, стояли, как последние солдаты каменной армии, готовые сопротивляться времени и неумолимому гневу врага, готовые выстоять до победы или умереть, распасться в бессмысленные груды кирпича. В их подвалах еще теплилась жизнь. Еще широкогрудые проспекты московского Юга не полностью скрылись под завалами. Еще редкие отряды истинных хозяев и защитников великого города не утратили боевой ярости. Как будто огромное тело, когда-то прекрасное, а ныне

обезображенное, распятое на косых перекладинах рек и автострад, силилось не погибнуть от губельного холода, а выжить, выжить, выжить...

А выжив, – возродиться.

В Москве жизни много. И даже когда из нее на протяжении нескольких десятилетий выпускают кровь, а сердце кромсают тупым кухонным ножом, город все равно не поддается смерти.

Катя подала голос:

– Всем! Поворачиваем направо!

Это была бывшая улица Грибальди. С той стороны, где раньше был Ленинский проспект, ее наглухо запирали глубокий котлован. Со стороны улицы Вавилова весь район к югу и западу напоминал каменный лес. Или, иначе, аквапарк, состоящий из множества фонтанов и водяных горок, когда-то игравших на солнце, пенных, живых, искристых, заключенных в оправу из радужных мостов, а ныне застывших в сплаве камня, стекла и металла, обугленных, безобразных. От этих мест веяло жутью. С недавних пор их называли Полеми каменных фонтанов...

– Все, приехали. Тормози-им! – подала команду Катя.

Дзеньц! – откликнулся бампер «газика».

– Тэйки, ну что опять у тебя?

– Да ничего, Даня! Бампер просто от резкого торможения отвалился... ну, не бампер, а что осталось от него.

– Отлично! – в сердцах ответил ей генерал. И, обратясь к Кате, добавил, – хорошо, что это всего-навсего бампер.

Та согласно кивнула.

Даня отдал команду:

– Всем: взводим охранные артефакты на машинах и вылезаем.

Здесь никто не хотел селиться. Даже самая бесшабашная нечисть брезговала Полеми каменных фонтанов, а тем более люди. Катя как-то говорила Дане, что раньше тут был богатый район. Сплошь дома для тех, кто хотел жить с шиком. Убежища – их Катя называла непонятным словом «квартиры» – проектировались специально для художников, с огромными окнами и высоченными потолками. Но потом эти самые «квартиры»-студии раскупили москвичи с тугой мошной, далекие от занятий живописью...

В начале тридцатых тут все горело и плавилось, от комфортных домов не осталась ни капли камня. В сорок первом по бывшему оазису преуспеяния нанесли удар последние стратегические бомбардировщики людей. В сорок третьем здесь гоблинские маги спалили танковый полк Секретного войска, но и сами пострадали от удара подземных. Весь район пропитан был духом смерти.

И, разумеется, Гвоздь поселился именно здесь. А как же.

Такой уж это был человек – Гвоздь.

Даня повел команду к огромной бронированной гусанке с «тарелочной» антенной на крыше. Эта станция наведения ракет стояла здесь почти полтора десятилетия. Батарея, в составе которой она числилась, успела сделать один выстрел, что по тем временам считалось отличным результатом. Потом машину вварил в асфальт на полметра в глубину, а экипаж и вся электроника изжарились внутри. Даня и команда этих подробностей не знали, но к фокусам Гвоздя каждый был привычен, и если Гвоздь сказал, что «дверной звоночек» на этот раз в «большой хреновине с антенной на маковке», значит искать его стоило в «большой хреновине с антенной на маковке». А тут была одна такая.

– Ну и где он? Гвоздь, обалдуй, не мог точно сказать, куда сунул... Тэйки, посмотри с кормы. Катя, заберись наверх, может он...

– Не надо, командир.

– Почему, Немо?

– Его способ думать мне понятен. Гвоздь всегда кладет вещи на самом видном месте, а самое видное место всегда располагается в самом неудобном месте. В самое неудобное место мы уже пришли. Теперь осталось найти самое видное место... Полагаю, это люк механика-водителя.

Даня присмотрелся. Сначала он увидел в свете полной луны слабо фосфоресцирующую надпись: слово «х...й», а потом уже сообразил, что надпись намалевана на округлой блинообразной штучке, которая и была, наверное, люком механика-водителя.

– Соображаешь, Немо, – сказал он, со скрежетом поворачивая отпирающую ручку. Услышав характерный щелчок, Даня распахнул люк и как следует выматерился. Тэйки поспешила сунуть нос в люк.

– Приколно! Какой он смешной, этот Гвоздь!

В люке сидел скелет, с черепа до пят вымазанный светящейся краской. Нижнюю челюсть была примотана к черепу проволокой. Между нею и верхней челюстью Гвоздь вставил токер, настроенный на один-единственный номер вызова.

Даня втопил клавишу.

Ноль реакции.

Тэйки забеспокоилась:

– Может, обторчался в щепу, сидит мутный, и все ему фиолетово? А? Как прошлый раз?

Генерал обнадежил команду:

– Не. Обещал ждать.

– Ну, тогда должен...

Ее прервал голос Гвоздя в токере.

– Аллю, парень, это я с ребятами, – ответил Даня, – по голосу узнаешь?

Пауза.

– Ах ты видишь нас... Ловок.

Пауза.

– Да времени особенно нет...

Пауза.

– Двадцать минут по любому найдется.

Даня выключил токер и засунул его обратно, в костяной футляр.

Слева от них зашевелилась каменная крошка. Скрытая ею металлическая плита медленно поползла в сторону. Провал достиг размеров метр на метр или около того, когда плита остановилась. Внизу включился свет.

Даня заглянул вниз.

– Прыгаем, тут не глубоко.

Тэйки проворчала:

– Да сколько у него тут входов! Каждый раз что-нибудь новенькое отколет...

– Не более четырех. Просто маскировка меняется, – спокойно откомментировал Немо.

Они очутились то ли в гараже, то ли в подвале, где раньше располагалось управление сантехникой высотного дома: запах масла, ржавые трубы, вентили, звуки вялой капли в отдалении...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.